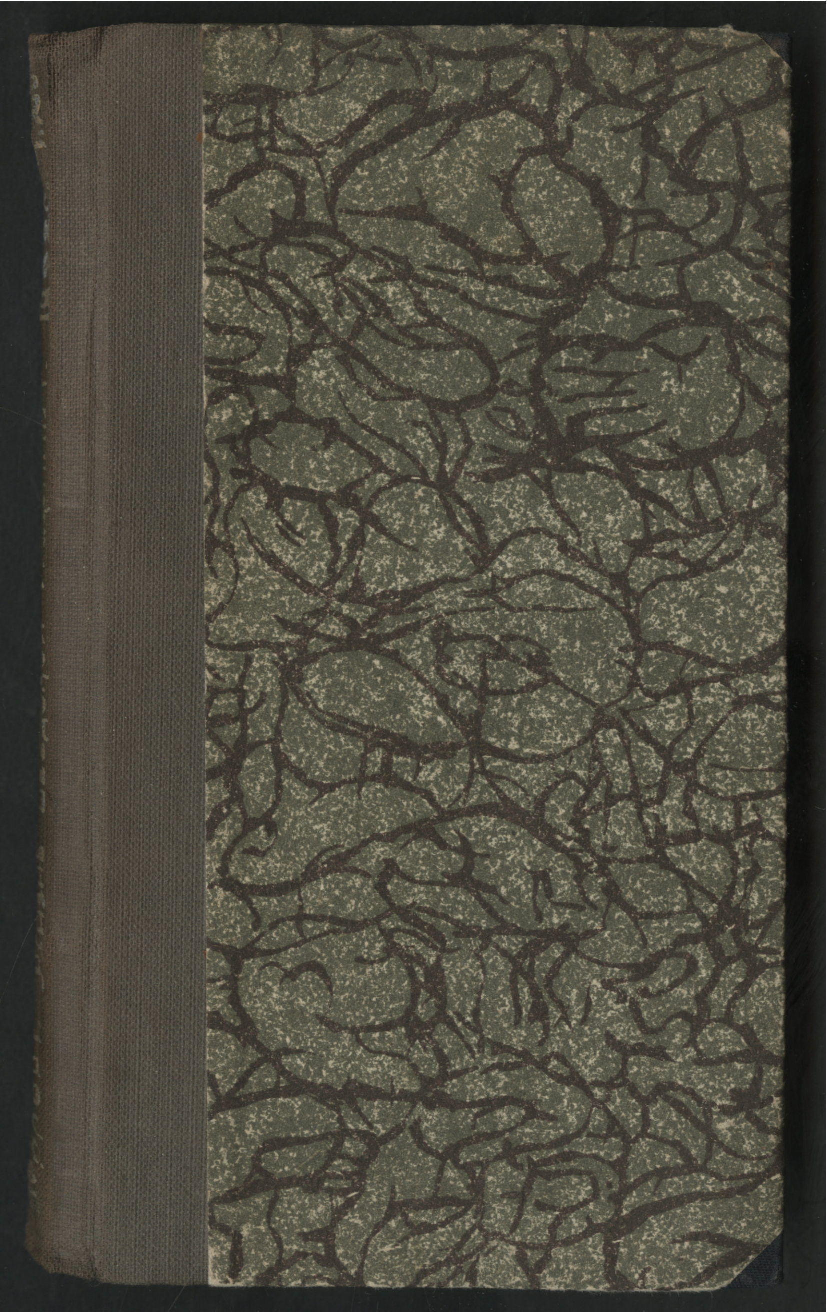

ЖИЗНЬ

ШВЕДСКІЯ ГРАФИНИ Г ***

Часть перьвая.

Сочиненная господиномъ професоромъ Геллертомъ.

Съ Нѣмецкаго перевелъ

капитанъ Иванъ Румянцовъ.

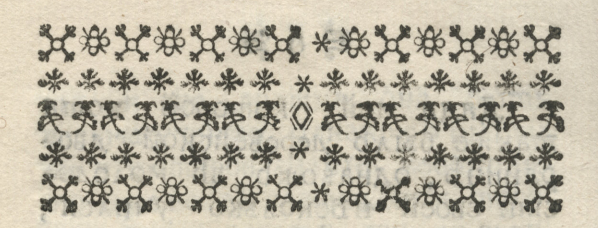

въ Санктпетербургѣ
1766 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ЛЮБЕЗНОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

ВЪ препровожденіе свободнаго времени, перевелъ я предлагаемую при семъ книжку. Вы выборъ и переводъ мой хулить и хвалить можете по вашему соизволенію; но я въ разсужденіи того, что сей есть первой трудъ, которой свѣту представляю, по пословицѣ: *не всегда не испортя дѣла мастерами становятся*: отъ благосклонныхъ читателей въ погрѣшностяхъ моихъ ласкаю себя быть извиненнымъ.

ЖИЗНЬ

ШВЕДСКІЯ ГРАФИНИ Г. ***

ЧАСТЬ ПЕРЬВАЯ.

Можетъ статься, чтобъ я разсказывая мои приключенія, старалась читателей моихъ о знатности фамиліи нашей увѣрить; но родители мои оставили меня въ самомъ младенчествѣ, почему я о отцѣ моемъ болѣе ничего сказать не знаю, какъ только, что онъ былъ честной Лифляндской дворянинъ малымъ имѣніемъ обладавшій.

Дядя мой, которой хотя также былъ деревенской дворянинъ, однакожъ въ молодости своей нѣсколько учился; взялъ меня въ свои деревни, и воспиталъ до шестнатцати лѣтъ. Я не могу забыть словъ, которыя онъ сказалъ супругѣ своей, когда она спросила, какимъ образомъ намѣренъ онъ меня воспитывать: До обѣда должна дѣвица, говорилъ онъ, воспитываться какъ мущина, а послѣ обѣда какъ женщина. Тетка моя въ разсужденiи того, что не имѣла дѣтей, меня весьма любила и съ неудовольствiемъ взирала, что я обучалась языкамъ и другимъ наукамъ, кои она Педантствомъ называла. Она охотно бъ меня отъ сего труда избавила; но мужъ ея нехотя онаго говорилъ: не опасайся, племянница наша истинно не съ излишкомъ и ненапрасно въ наукахъ упражняется; хо-

тя и не должна она быть весьма ученою, однакожъ имѣть ей нѣкоторое знанїе необходимо нужно въ разсужденїи того, что она небогата, то ее никто кромѣ разумнова не возметъ; естьлиже она сему понравиться хочетъ, то должна быть разумною, благонравною, и искусною.

Дядя мой, будучи человѣкъ добродѣтельной, для меня ничего не щадилъ, и я бы конечно нѣсколько попрежде была ученою, естьлибъ тетка моя поранѣе умерла; хотя она и не преминула дать мнѣ нѣкоторое въ экономїи наставленїе; но притомъ влїяла въ меня охоту къ бездѣльнымъ щегольствамъ, помощїю которыхъ гордою дурою свободно здѣлаться можно. Я конечно была тогда молода; однакожъ довольно стара для принятїя

суеты полу нашему справедливо принадлежащей; но по счастію моему тетка моя переселилась въ царство мертвыхъ, прежде нежели я десятаго года отъ рожденія моего достигла; а смертію ея дядя мой получилъ свободу наибольшія употреблять попеченія о моемъ воспитаніи, и погасить во мнѣ злыя вкорененія обхожденіемъ съ теткою моею и худыми ея примѣрами въ меня вліянныя. Я отъ натуры имѣла доброе сердце, и такъ онъ не былъ принужденъ спорить противу моихъ склонностей; но только ихъ изощрялъ. Онъ употребилъ весь свой разумъ къ вперенію въ меня познанія о тѣхъ вещахъ, кои высокость духа составляютъ, и усматривая, что я о красотѣ моей была не безъизвѣстна, старался научить меня познанію истинной цѣны человѣческой, и такимъ свойствамъ

ствамЪ, которыя болѣе чистою совѣстїю, нежели общимЪ удивленїемЪ награждаемы бываютЪ. Хотя онЪ и не училЪ меня глубокомыслимой Философїи; однакожЪ разумнымЪ образомЪ вѣру и добродѣтели во всякомЪ состоянїи, вЪ счастїи и несчастїи, по смерти и вЪ нынѣшней жизни внутреннее намЪ спокойствїе приносящїя истолковывалЪ, и имѣлЪ искуство оныя не вЪ памяти, но вЪ разумѣ моемЪ впечатлѣть. Познанїю сего должна я благодарить, что я во всю мою несчастно текущую жизнь добродѣтель не игомЪ, но наипрїятнѣйшею собесѣдницею считала. Я также думаю, что и вѣра, естьли основанїе оныя разумно и обстоятельно выучено будетЪ, столько же и разумЪ какЪ сердце просвѣтить можетЪ. Дядя мой приказывалЪ мнѣ о вещахЪ разумЪ мой превосходящихЪ, по тѣхЪ порЪ сомнѣвать-

ся, пока я доволнаго объ оныхъ понятія не имѣла. Однимъ словомъ, онъ училъ меня не такой Философіи которою бы можно было въ собраніяхъ хвастаться, и честолюбіе наше довольствовать; но такой, которая помощію разума будучи въ сердцѣ вкоренена, дѣлаетъ насъ благонравными, великодушными, внутренно спокойными и отъ всѣхъ любимыми. Душевныхъ свойствъ моихъ ни хулить ни хвалить не дерзаю; а отдаю справедливость читателямъ, которые изъ продолженія моей исторіи качества мои увидятъ.

Шестнатцати лѣтъ отъ рожденія моего сочеталась я съ Шведскимъ Графомъ Г. *** слѣдующимъ случаемъ: Графъ имѣлъ въ Лифляндіи деревни недалеко отъ дядиныхъ лежащія, и за годъ моего замужья пріѣзжалъ съ отцомъ своимъ въ Лифляндскія свои вотчины, а будучи у моего

дяди

дяди нѣсколько разъ меня видалъ, и со мною разговаривалъ, причемъ я имѣла счастїе безъ всякихъ моихъ старанїй ему понравиться. Я будучи бѣдною дѣвкою не могла и мыслить, чтобъ любовїю моею оковать Графа, которой былъ богатъ, знатенъ, и уже имѣлъ полковничье достоинство, а притомъ и изъ себя виденъ. Может статься, чтобъ Принцесса могла быть ево женою; но сїе самое, что я ему не старалась понравиться, неоспоримо было причиною моего счастїя; потому что я считая за невозможное быть ево женою, обходилась съ нимъ вольно; но ежелибъ я думала прїобрѣсть его сердце, тобъ можетъ приняла на себя принужденной видъ. Въ самомъ дѣлѣ, пронзилъ онъ мое сердце; но чемъ пуще я внутренно обладать имъ желала, тѣмъ больше находила оное невозможнымъ.

 По про-

По прошествіи года писалъ онъ ко мнѣ письмо, содержаніе котораго въ томъ состояло: вознамѣрюсь ли я быть ево женою, и слѣдовать ему въ Швецію. Сердце ево было мнѣ пріятно, а великодушной ево въ разсужденіи меня поступокъ еще болѣе умножалъ оныя пріятности. На противъ чего можно сказать, что и онъ обвороженъ былъ моею любовію; но при таковыхъ случаяхъ болѣе сердце, нежели разсудокъ имѣетъ участія. Все, что я хочу сказать, лучше можно видѣть изъ приложеннаго при семъ подлинникомъ ево ко мнѣ письма.

ГОСУДАРЫНЯ МОЯ!

Я васъ люблю. Не лужайтесь симъ открытіемъ, и предложеніемъ, которое я вамъ здѣлать намѣренъ; но разсудите, что сіе есть дѣйствіе мо-

его чистосердечія. Позвольте выговорить, дражайшая! но чтожъ я скажу, какъ только то, что я васъ люблю: страсть сію почувствовалъ я съ самой той минуты, въ которую имѣлъ счастіе въ первой разъ васъ видѣть. Я признаюсь искренне, что всячески старался изъ сердца моего любовь сію искоренить, потому что обстоятельства состоянія моего того требовали; но къ чемужъ послужилъ сей трудъ? Къ увѣренію меня о великости моей страсти, и къ большему въ глазахъ моихъ пріятностей вашихъ умноженію. Я недумаю, чтобъ вы горячностію моею были озлоблены, для чего вамъ можетъ быть противна любовь такова человѣка, которой сердцемъ и жизнію своею вамъ жертвовать желаетъ. Беру смѣлость ясняе открыться,

обожаемому мною предмѣту, испросить ея соизволенія быть моею супругою, подарить меня нѣжнымъ своимъ сердцемъ, и слѣдовать мнѣ въ Швецію. Вы конечно великодушны, и для того вѣрно надѣюсь, что сей вопросъ, отъ котораго внутреннее мое спокойствіе зависитъ, безъ отвѣта не оставите; но для чего не могу сей часъ узнать, смѣю ли надѣяться любви вашей быть достойнымъ? Увѣдомте, дражайшая, можете ли безъ наималѣйшаго принужденія соотвѣтствовать горячности нѣжнаго и вѣрнаго любовника? Я не тревожу скоростію отвѣта ваше сердце; и хотя сколь ни мучительна мнѣ каждая минута ожидать моей судбины, но тѣмъ мученіе сіе сношу терпѣливѣе, что прекращенія онаго единственно отъ склонности вашей

шей ожидаю. Но хотя я и столько несчастенъ буду, что вы, любезная, пламенной моей любви соотвѣтствовать не будете; однакожъ оная крѣпко въ сердцѣ моемъ впечатлѣнная страсть до конца жизни моей не истребится, и почтенїе, котороѣ я къ особѣ вашей имѣю, на всегда пребудетъ непремѣнно. Сколь тягостно мнѣ окончать сїе письмо! Сколь охотно еще стократно сказать желаю, что васъ люблю, люблю несказанно, и что въ мысляхъ моихъ представляю ваше смущенїе, въ которое вы письмомъ симъ ввергнуты быть можете, и изъ котораго полезныя въ разсужденїи желанїя моего заключаю слѣдствїя! Пребывайте благополучно. Ахъ! дражайшая, могулъ дождаться прїятнаго вашего на сїе отвѣта?

Отецъ

Отецъ Графовъ при семъ случаѣ также писалъ къ моему дядѣ; короче сказать, я была невѣстою любви достойнаго Графа, я никогда еще не любила, и сіе, какъ я думаю, многимъ изъ моихъ читательницъ покажется невѣроятно, и будутъ онѣ представлять себѣ, что либо была я нехороша, либо со всѣмъ безчувственна въ разсужденіи того, что въ шестнатцать лѣтъ моего возраста по крайней мѣрѣ дюжины любовныхъ приключеній со мною не случилось, къ славѣ ль то моей, или къ посрамленію служить будетъ; однакожъ я по сіе время любовной страсти была еще неподвластна, хотя и имѣла случаи обходиться со многими молодыми мущинами. Съ сего времени почувствовала я любовь, которыя предмѣтомъ былъ любезной мой Графъ, и хотя онъ на сорокъ миль былъ

отъ

отъ меня отдаленъ, но любовь дѣлала ево въ мысляхъ моихъ присутствующимъ: гдѣ я находилась, тутъ и онъ со мною былъ; для меня ево драгоцѣннѣе ничего на свѣтѣ не было; иногда представлялся онъ мнѣ оказывающимъ всякія ласкости, которыя я съ нѣкоторою стыдливостію принимала. Многимъ покажется сіе смѣшно, чему и я не противорѣчу. Невинная и въ самомъ дѣлѣ горячо любящая невѣста подобна такой твари, на которую безъ удивленія взирать не можно; предпріятіе, языкъ, взгляды, однимъ словомъ, все ея поступки тѣмъ болѣе сердцу ея измѣняютъ, чемъ болѣе она оное скрывать старается.

Дядя мой поѣхалъ со мною въ Швецію. Насъ многіе изъ дворянъ обоего пола провожали, разстаніе съ которыми не причинило мнѣ нималой скуки. Путь нашъ

нашъ былъ благополученъ. Итакъ я прибыла въ вотчину дражайшаго Графа въ провожанїи моего дяди, и нашла ево болѣе любви достойнымъ, нежели какъ за годъ предъ симъ; да оное и не удивительно въ разсужденїи того, что я тогда совсѣмъ любви ево не знала. Каждой человѣкъ кажется намъ совершеннѣе, и болѣе почтенїя достоинъ, ежели онъ насъ любитъ, и хотябъ онъ не имѣлъ никакихъ преимуществъ, то одна къ намъ склонность дѣлаетъ ево въ глазахъ нашихъ превосходнымъ.

Графъ мой оказывалъ мнѣ всякїе знаки прїятности, и я не думаю, чтобъ кто могъ быть счастливѣе, какъ я, съ моей стороны при семъ случаѣ. Свадьба наша хотя была совершена безъ всякихъ обрядовъ, однакожъ съ немалымъ съ обѣихъ сторонъ удовольствїемъ,

о которой здѣлаю я здѣсь нѣкоторое описанiе. Чрезъ шесть дней по моемъ въ Швецiю прiѣздѣ, просилъ меня любезной мой женихъ назначить день для нашего бракосочетанiя. Я увѣряла ево, что честь называться ево супругою, для меня весьма прiятна, и что я тогда брачнымъ съ нимъ союзомъ обязаться готова, когда онъ за благо разсудитъ. Почему мы безъ дальныхъ размышленiй будущей день къ сему обряду назначили. На другой день по утру пришедъ онъ ко мнѣ спрашивалъ меня, что не перемѣнилаль я намѣренiя сегоднишной день быть ево женою На что отвѣчала я нѣжнымъ поцѣлуемъ съ потупленными глазами; послѣ чего одѣлась хотя не въ богатое, однакожъ пристойное платье. Вы весьма прекрасны кажетесь въ семъ уборѣ, началъ говорить Графъ, оно весьма

хорошо

хорошо по корпусу вашему здѣлано. Я отвѣчала, что уборъ сей для меня весьма пріятенъ, ежели онъ ему нравится: потомъ все утро препроводили мы въ наинѣжнѣйшихъ разговорахъ; причемъ я по желанію Графскому играла на клависинахъ и пѣла: а какъ приспѣло время обѣда, то пришли въ комнату отецъ любезнаго моего Графа [а мать его уже задолго до сего скончалась] и мой дядя, и сказали намъ, что уже священникъ пріѣхалъ, почему и пошли мы всѣ въ столовую, гдѣ въ присутствіи священника вѣчно другъ друга любить присягнули. Послѣ чего сѣли за столъ, а по окончаніи обѣда поѣхали для прогулки къ господину Р.*** искреннему супруга моего другу, и которой ему въ путешествіи его по чужимъ краямъ сотовариществовалъ. Онъ жилъ въ небольшей усадбицѣ на нѣсколько

миль

миль отъ насъ отстоящей. Мужъ мой любилъ его несказанно, въ разсужденiи чего по прiѣздѣ нашемъ говорилъ ему: любезной другъ! я къ тебѣ прiѣхалъ съ дражайшею моею супругою, посмотри, сколь я счастливъ моимъ выборомъ. Поѣзжай съ нами, и будь свидѣтелемъ нашей радости, гдѣ посидѣвъ возвратились мы домой въ провожанiи господина Р. *** Короче сказать, вечеръ препроводили мы не съ меньшимъ, какъ и утро, удовольствiемъ.

Я по сiе время не описала еще моего супруга: онъ имѣлъ присмуглое лице, пламенные глаза, не малой ростъ, стройной станъ, величавой и прiятной видъ.

Въ скорѣ послѣ нашей свадьбы поѣхалъ любезной мой мужъ къ своему полку. Почтенной мой свекоръ хотя былъ и въ глубокой старости, однакожъ еще

весьма

весьма бодрЪ; и желая отсутствїе мужнее здѣлать мнѣ сноснѣйшимЪ, ѣздилЪ со мною по прочимЪ своимЪ деревнямЪ. ВЪ одной изЪ оныхЪ увидѣла я весьма молодую и прїятную женщину, о которой сказали мнѣ, что она вдова, а мужЪ ея былЪ главной надЪ вотчинами Графскими надзиратель. Женщина сїя такЪ была разумна и обходительна, что я старалась прїобрѣсть ея дружбу, которую вЪ короткомЪ времени и снискала. Я просила ее, чтобЪ она со мною поѣхала, и увѣряла, что почитать ее не за служительницу, но за искреннюю мою прїятельницу буду, и ежели она долго при мнѣ жить не захочетЪ, то употреблю всевозможныя силы прїискать ей достойнаго жениха; но она слушала предложенїе сїе сЪ наполненными слезЪ глазами, и отговаривалась отЪ онаго тѣмЪ,

что

что не хочетъ разстаться съ сыномъ котораго со всевозможнымъ раченіемъ воспитать за долгъ почитаетъ; а притомъ и тѣмъ, что жизнь свою совсѣмъ уединенію посвятила, причемъ однакожъ всегда оказывала мнѣ столько любви и почтенія, что я не однократно спрашивала ее, чемъ могу ей услужить? На что она весьма учтивымъ образомъ отвѣтствовала, что ничего кромѣ милостей моихъ пріобрѣсть не желаетъ. Старой Графъ вознамѣрился возвратиться, и когда я садилась уже въ карету будучи провожаема сею молодою вдовою, то увидѣла въ окошкѣ нижняго жилья стоящаго робенка: чей онъ, спросила я? Начто добронравная сія женщина съ великимъ страхомъ отвѣчала, что онъ ея сынъ, и что не за долго предъ симъ былъ болѣнъ оспою, которая почти еще не совсѣмъ сошла. Робенокъ

сей

сей показался мнѣ весьма не дуренъ, для чего я неотступно и просила ево мнѣ показать; но о Небо! въ семъ младенцѣ увидѣла я живо изображенной образъ дражайшаго моего мужа: я не могла ни одного слова промолвить, а только цѣловала и обнимала сего младенца и съ матерью: потомъ тогожъ момента сѣла въ карету. Свекоръ мой примѣтя мое смущенїе, открылъ тайну сїю съ истиннымъ чистосердечїемъ и прїятнымъ лицемъ. Женщина, говорилъ онъ, которую ты видѣла, прежняя мужа твоего любовница, и ежели память сей любви тебя озлобляетъ, то не раздражайся столько на моего сына, сколько на меня; потому что я болѣе ево въ ономъ виновенъ. Я съ младенчества воспитывалъ ево со всѣмъ особливымъ образомъ, которой позволялъ ему нѣкоторыя вольности. Сынъ мой почиталъ меня

болѣе

болѣе за вѣрнаго друга, нежели за строгаго отца, почему и открывался мнѣ чистосердечно во всѣхъ своихъ проступкахъ, а чрезъ сїе имѣлъ я случай отвесть ево отъ тысячи погрѣшностей. Прежде нежели отправилъ я сына моего путешествовать, зналъ что онъ любилъ одну молодую мѣщанку, которую сестра моя къ себѣ взяла весьма малолѣтную, для сотовариществрванїя своей дочери. При отправленїи своемъ въ чужїе краи просилъ онъ у меня позволенїя взять съ собою сїю прекрасную дѣвочку; начто я ему, или по слабости моей, или лучше сказать, зная разумъ, и добродѣтель сей дѣвки и уповая сотовариществомъ ея удержать его во время вояжа въ границахъ благопристойности, позволилъ. Сїя то есть самая та, которую вы по общему мнѣнїю подъ именемъ вдовы видѣли. Она

 обладаетъ

обладаетЪ весьма хорошими свойствами, продолжалЪ ГрафЪ, и я назначилЪ десять тысячь талеровЪ ей на приданое, ежели она за мужЪ посягнуть вознамѢрится. Для воспитанія ея сына опредѢлилЪ также нѢкоторую сумму, и естьли женщина сія кажется вамЪ опасною, то я вЪ короткомЪ времени прикажу отвезть ее вЪ Лифляндскія мои вотчины, и тамЪ имѢть о ней возможное попеченіе.

Не думайте, говорила я, чтобЪ я могла ненавидѢть любовницу моего супруга. Я ево люблю, и любовь моя укрощаетЪ ревность; но только прошу отдать ее пристойнымЪ образомЪ за мужЪ. При возвращеніи нашемЪ нашла я Графа моего возвратившагося ужѐ отЪ полку; хотя я и увѢрена была о ево любви; однакожЪ до тѢхЪ порЪ не могла успокоиться, пока не

при-

принудила ево небольшими холодностями спросить у меня о причинѣ моего безпокойства, по открытїи которой весьма онъ испужался, и жаловался на неосторожность своего родителя, что завезъ меня въ такое мѣсто, отъ котораго нѣжность любви нашей нѣкоторымъ образомъ могла быть ослаблена. Онъ приказалъ женщину сїю и съ сыномъ снабдя всѣми потребностями отдалить, что чрезъ шесть дней дѣйствительно и исполнено; я не могла желать лучшаго опыта ево ко мнѣ вѣрной и постоянной любви. Онъ открылся мнѣ, что намѣренъ былъ на сей женщинѣ женитъся; но не получилъ на оное отъ двора дозволенїя. Въ самомъ дѣлѣ заслуживала она сїе счастїе: я признаюсь, что я предъ нею не имѣла никакова преимущества, выключая что происходила отъ благород-

ной фамилїи; но сколь мало сїе преимущество, естьли мы разумно объ ономъ разсуждать будемъ. Она на желанїя графскїя склонилась не изъ легкомыслїя; но бракъ былъ залогомь ея сердца, также отецъ Графовъ любовь и выборъ сына своего не охуждалъ. Она знала благородное любовника своего великодушїе, и была увѣрена о искренней ево къ себѣ горячности. Женщина при таковыхъ обстоятельствахъ въ вѣрную любовь пустившаяся болѣе сожалѣнїя, нежели укоризны и поношенїя достойна. Мужъ мой разсказывалъ мнѣ одно приключенїе, которое довольно показывало хорошїя Каролинины свойства. Какъ скоро она узнала, что Графъ не можетъ получить соизволенїя на ней жениться, не потерявъ милостей своего Государя и не приведя себя въ опасность, то отказалась она отъ

ево

ево любви освободя сердце ево отъ оковъ сего союза. Онъ показывалъ мнѣ слѣдующее письмо, которое для великодушнаго его содержанія почла я достойнымъ сюда включить.

ЛЮБЕЗНОЙ ГРАФЪ!

Я увѣдомилась, что мнѣ вашею женою по намѣренію нашему быть неможно. Вы жалѣете о мнѣ, я то совершенно знаю, потому что вы меня любите, и вамъ столько же тяжело не содержать въ разсужденіи меня вашего слова, какъ и мнѣ оставить благородное и великодушное ваше сердце; но естьли я Графа моего когда ни есть потерять должна; то теряю его со славою. Однимъ словомъ, любезной Графъ! вашему счастію и благосостоянію жертвую моимъ спокойствіемъ и любовію,

и забываю на вѣки ласкавшее мнѣ счастїе быть вашею женою. Вы свободны отъ даннаго вами обѣщанїя, и можете вознамѣриться избрать такую, которая болѣе для васъ понравится; я совершенно буду довольна, ежели вы въ выборѣ вашемъ не ошибетесь, и въ супружествѣ найдете то счастїе и удовольствїе, которое было я любовїю моею доставить вамъ желала. Вѣрте, что сїи желанїя происходятъ отъ искренняго сердца прежней вашей любовницы. Я не дѣлаю вамъ ни малѣйшихъ укоризнъ; для того что вы слово свое предъ глазами моими сдержали, и я увѣрена, чтобъ вы обѣщанїе ваше совершенно исполнили, ежелибъ оно отъ васъ зависѣло: я была вашею любовницею съ договоромъ быть вашею женою, и такъ я думаю, что при семъ

случаѣ со всею моею горячностїю не преступила правилъ добродѣтели. Напоминовенїе любви моей будетъ составлять мое спокойствїе, какъ ни несчастно буду я препровождать остатокъ моей жизни. Совокупись съ другою благополучно, дражайшїй мой Графъ! и будь счастливъ; о мнѣ же впредь вспоминай какъ о вѣрной своей прїятельницѣ; награжденїе сїе я заслужила. Прикажите мнѣ и съ сыномъ дать убѣжище въ одной изъ вашихъ вотчинъ, гдѣбъ я въ уединенїи жизнь мою окончать, а сына воспитать могла. Не теряйте болѣе словъ. Я остаюсь при моемъ намѣренїи, и докажу вамъ, что счастїе ваше собственному моему благосостоянїю предпочитаю, живите спокойно, любезной мой Графъ!

Королинину великодушїю не могла я довольно надивиться. Графъ сказывалъ мнѣ, что онъ послѣ сего письма видѣлся съ нею одинъ разъ, и что за полгода до моего замужья перервалась любовь ихъ.

Графъ мой умножалъ свои старанїя мнѣ понравиться, и Небо извѣстно, что былъ онъ любви достойнѣйшей человѣкъ. Онъ столько разуменъ и благонравенъ былъ, что по вступленїи въ солдатскую службу не суровѣе и недичѣе здѣлался, что кажется весьма людямъ сего состоянїя несвойственно. Онъ былъ добродѣтеленъ и человѣколюбивъ, однакожъ весь домъ его такъ опасался, что малѣйшей его мигъ былъ для всѣхъ служителей строжайшимъ повелѣнїемъ; онъ казался во всемъ быть мнѣ послушнымъ, немогъ ни въ чемъ мнѣ

отка-

отказать, и ему все то прїятно, что мнѣ нравно было; но при всей сей нѣжной преданности умѣлъ онъ вкоренить въ меня къ себѣ почтенїе и страхъ, такъ что я при всемъ моемъ надъ нимъ владычествѣ во всѣхъ случаяхъ болѣе волѣ его, нежели моимъ желанїямъ послѣдовала, и ничего безъ его повелѣнїя не предпринимала. Онъ былъ въ дѣлахъ своихъ порядоченъ, и не терялъ никогда напрасно времени; онъ работалъ тогда, когда ему хотѣлось, какъ же скоро примѣчалъ въ себѣ усталость, то тотчасъ отставалъ отъ трудовъ своихъ. Во время своего путешествїя собралъ онъ весьма изрядную библїотеку изъ латинскихъ, французскихъ, италїянскихъ и нѣмецкихъ книгъ состоящую, потому что онъ въ оныхъ языкахъ довольное имѣлъ знанїе. Въ короткомъ

времени книжная зала съ стороны моего супруга здѣлалась для меня прiятнымъ времени провожденiемъ; онъ показывалъ мнѣ достопамятныя мѣста въ наилучшихъ историческихъ, философическихъ и моралическихъ книгахъ, и нечувствительно прiучилъ меня разбирать Авторовъ. бракъ нашъ былъ ничто, какъ любовь, а жизнь удовольствiе; мы никово кромѣ насъ самихъ не требовали для составленiя прiятной бѣсѣде Я любила моего мужа, онъ меня, а старой Графъ насъ обѣихъ. Сего престарѣлаго мужа совершенное познанiе свѣта, въ которомъ онъ ужѐ семьдесять лѣтъ обращался, учесность, и честность его духа, дѣлали его бодрымъ, а въ разговорахъ его блистала еще нѣкоторая живость. Въ три года, которые онъ по замужствѣ моемъ жилъ, не видала я ево никогда

когда смутнымъ. боже! сколь конецъ его былъ нравоучителенъ; за семь дней до кончины здѣлалась у него въ ногахъ опухоль, которая часъ отъ часу умножаясь далѣе къ верху поднималась, отъ чего и примѣчалъ онъ приближающуюся свою смерть, въ разсужденіи чего спросилъ онъ лѣкаря, которой его пользовалъ: много ли еще осталось ему жить? На что онъ отвѣчалъ, что неболѣе трехъ сутокъ. очень хорошо, говорилъ старой Графъ, слава богу, что жизнь моя счастливо протекла; и такъ только три дни жизни моей осталось, по прошествіи которыхъ о поведеніи моемъ Создателю моему отчетъ дать долженъ: я оные не могу въ лучшую пользу употребить, какъ радостію моею показавъ примѣръ окружающимъ меня, сколь легко и спокойно на смерть взираетъ такой человѣкъ, которой

разумно и добродѣтельно жизнь свою препроводилъ. Потомъ приказавъ мнѣ собрать передъ себя всѣхъ своихъ служителей, похвалялъ ихъ вѣрность, и просилъ какъ отецъ, чтобъ они во всѣхъ дѣлахъ добродѣтель имѣли предводительницею. Я былъ вашъ господинъ и повелитель, говорилъ онъ, смерть лишаетъ меня сего различїя, и я переселяюсь въ такое жилище, гдѣ и вы за исполненїе вашей должности такое же награжденїе получить можете, какое и я за исполненїе моея. Живите благополучно, любезные мои дѣти, кто меня любитъ и кто при смерти моей послѣднее удовольствїе здѣлать мнѣ хочетъ, тотъ конечно послѣдуетъ моимъ совѣтамъ. Послѣ чего велѣлъ каждому пожаловать по нѣскольку денегъ; въ сей и въ послѣдующей потомъ день всѣмъ своимъ крестьянамъ велѣлъ къ себѣ

прихо-

приходить, и ихъ увѣщевалъ также, какъ служителей; изъ сожалѣнія сихъ людей, кои кончину его оплакивали, можно примѣтить, сколь много они были имъ довольны. По исполненіи сего спрашивалъ меня умирающей Графъ, нѣтъ ли кого изъ его домашнихъ, которой бы съ нимъ еще не простился? На что отвѣчала я, что никого не знаю, выключая солдатъ при мужѣ моемъ находящихся. А! они мои любезные сотоварищы, и больше другихъ о смерти познанія имѣть должны, потому что они оную почти всегда предъ глазами имѣютъ. Прикажи ихъ сюда призвать, сказалъ Графъ, почему и вступили въ комнату четыре человѣка, коихъ дикость и неустрашимость на глазахъ ихъ казалась быть написанною. Какъ скоро Графъ началъ ихъ увѣщевать, то заплакали сіи крѣпкосердечные, подобно какъ ма-

лые ребята. Онъ спрашивалъ, давноли они служатъ? На что отвѣтствовали они, что почти всѣ около двадцати лѣтъ въ полевой службѣ находятся. О! вы уже заслужили покой, говорилъ Графъ, для того что столько времени сносите безпокойство: любезной сынъ, продолжалъ онъ, пожалуй уволь сихъ людей отъ службы и прикажи имъ по смерть ихъ въ одной изъ деревень нашихъ дать убѣжище.

Графъ послѣднюю ночь передъ своею кончиною препроводилъ слѣдующимъ образомъ: онъ спрашивалъ еще доктора, что сколько времени ему по мнѣнію его жить осталось? На что отвѣтствовалъ докторъ, что неболѣе сутокъ. Послѣ чего спросилъ кушать, порядочно поѣвъ, и выпивъ рюмку вина сказалъ: что ежелибъ я не такъ въ молодо-

сти

сти моей былъ умѣренъ, то бъ конечно кушанье и вино теперь мнѣ нетакова вкусу казалось, какъ за пятьдесятъ предъ симъ лѣтъ. Теперь, продолжалъ онъ, въ послѣдніе хочу нѣсколько часовъ сномъ успокоиться, послѣ чего и спалъ около трехъ часовъ, а проснувшись кликнулъ меня къ себѣ, и велѣлъ вынуть изъ кабинета манускриптъ содержащій реэстръ ево жизни, которой заставилъ меня предъ собой читать, что и продолжалось до свѣту; а какъ я ево весь прочла, то приносилъ онъ ко Господу наитеплѣйшую молитву, которою благодарилъ его за низпосланныя ему во всю жизнь ево милости просилъ притомъ, чтобъ онъ былъ въ будущемъ вѣкѣ нелишенъ небеснаго царствія; потомъ прикликалъ къ себѣ сына, и обнявъ насъ обѣихъ съ пролитіемъ слезъ говорилъ: сіи слезы суть знаки не страха

ха и сожалѣнія, но горячей моей къ вамъ любви. Хотя ничто для меня въ свѣтѣ такъ непріятно, какъ вы мои любезные дѣти, однакожъ разстаніе съ вами для того мнѣ сносно, что ласкаю себя надеждою, по преселеніи отсюда пользоваться вѣчнымъ покоемъ и благополучіемъ для добродѣтельныхъ смертныхъ отъ Всевышняго уготованнымъ. Любите другъ друга вѣрно и постоянно, наслаждайтеся жизнію, которою Всевѣдущій для нашего удоволствія и обращенія въ добродѣтеляхъ насъ наградилъ. Послѣ чего подавъ мнѣ еще разныя наставленія и правила, коимъ образомъ дѣтей моихъ воспитывать должна, естьли Господь бракъ нашъ оными благословитъ съ благодарнымъ сердцемъ и теплѣйшею къ Создателю молитвою скончался.

Оплакавъ

Оплакавъ довольно кончину дражайшаго нашего отца, и предавъ тѣло его землѣ съ обыкновенною церемонiею, жили мы спокойно, какъ на конецъ Графъ получилъ повелѣнiе ѣхать ко двору, куда и я ему послѣдовала. Едва только я прiѣхала, то будучи милостiю, которую Король мужу моему оказывалъ, о знатности фамилiи нашей увѣрены, посѣщали меня многiе ласкатели, которые не устыдились меня о похвальныхъ моихъ свойствахъ увѣрять. Иные сказывали, что я въ красотѣ не уступаю Венерѣ, другiе говорили, что премудрость моя съ Минервиною сравняться можетъ. По несчастiю моему Графъ получилъ ордеръ выступить съ полкомъ своимъ въ походъ, и хотя онъ думалъ вскорѣ возвратиться, однакожъ я три мѣсяца находилась съ нимъ въ разлукѣ. Я принуждена была

остаться

остаться въ Стокгольмѣ, и во время отсутствїя дражайшаго моего мужа прибѣгнуть къ Философїи, которую неусыпныя попеченїя любезнаго моего дяди, и премудрые совѣты почтеннаго моего свекра въ сердцѣ моемъ вкоренили. Ласкательство и честь, которую мнѣ оказывали, была наиопаснѣйшая вещь для молодой и недурной женщины, которая перьвой разъ безъ наставника при дворѣ находилася.

Принцъ фонъ С. *** которой былъ при дворѣ въ немалой силѣ, старался отсутствїе мужа моего употребить въ свою пользу, и склонить меня въ свою любовь. Онъ оказывалъ мнѣ всякое почтенїе, а иногда и посѣщалъ. Хотя всегда была я мужу моему вѣрна и отъ добродѣтели нимало не отступала

пала; однакожъ можетъ статься не столько сурова въ оказываемыхъ мнѣ Принцомъ ласкостяхъ, сколько долженствовала. А сїе самое причиною было, что онъ нѣкогда прїѣхалъ ко мнѣ послѣ обѣда, и шутя со мною болѣе обыкновеннаго хотѣлъ было употребить нѣкоторыя вольности съ благопристойностїю несходныя; но я сказала ему, что знаю мою должность, и умѣю наказать дерзко противу меня мыслящихъ, а притомъ примолвила, не прикажетъ ли онъ дать знать своей супругѣ, что онъ у меня, и попросить ее, чтобъ и она меня посѣщенїемъ своимъ удостоила; но онъ сказалъ на сїе, что жену свою всегда въ памяти своей имѣетъ, на что я отвѣчала, будте увѣрены, милостивой государь, что и я дражайшаго моего супруга въ сердцѣ моемъ неотсутственнымъ

считаю

считаю; по окончанiи рѣчи моей здѣлавъ онъ мнѣ весьма холодной комплементъ меня оставилъ: изъ продолженiя исторiи моей видно будетъ, сколько мстителенъ былъ сей Принцъ.

По возвращенiи мужа моего отказано было ему отъ двора, и сiе то было первое мщенiе озлобленнаго Принца, въ разсужденiи чего и поѣхали мы въ наши деревни. Я безъ всякаго размышленiя открыла графу причину его отдаленiя и стократно просила у него прощенiя. Я весьма несчастiемъ моимъ доволенъ, говорилъ онъ, продолжай и впредь озлоблять меня твоею добродѣтелью; я во всю мою жизнь пребуду тебѣ за сiе благодарнымъ. Я предусматривалъ, что дворъ для тебя опасенъ, хотя и всегда былъ увѣренъ о твоихъ достоинствахъ; однакожъ иногда воображалъ

себѣ

себѣ, что ты ласкательствамъ и политикѣ придворныхъ при первомъ случаѣ противустоять будешь не въ силахъ; но претерпѣваемая нынѣ мною Государя моего немилость ясно доказываетъ мнѣ, что Небо добродѣтельною и любви достойною женою меня наградило.

По прїѣздѣ нашемъ въ деревню жили мы благополучно, а чтобъ удобнѣе могли мы сносить утрату любезнаго нашего отца, то перепросилъ Графъ друга своего господина Р *** чтобъ онъ къ намъ жить переѣхалъ. Сей господинъ хотя былъ еще молодъ, однакожъ въ публичныхъ собранїяхъ былъ онъ ни къ чему болѣе не способенъ, какъ развѣ только къ занятїю между прочими мѣста; но на противъ того въ небольшой дружеской компанїи казался онъ

онъ быть необходимо нуженъ для увеселенія оной. Онъ имѣлъ довольное въ наукахъ свѣденіе, а неутомимая его въ чтеніи книгъ прилѣжность часъ отъ часу болѣе знаніе его умножала. Онъ былъ столькоже смиреномудренъ, сколько добродѣтеленъ. Единственное его желаніе состояло въ томъ, чтобъ всѣхъ людей видѣть разумными, а разумныхъ счастливыми, публичныхъ же собраній не терпѣлъ, для того что въ оныхъ по большей части люди между собою обходятся притворно, Пышные чины и достоинства никогда ево не прельщали, а единственно почиталъ честность и добродѣтель, которую во всѣхъ своихъ дѣлахъ имѣлъ предводительницею, ласкателей считалъ онъ за главнѣйшихъ истинны непріятелей, и разсуждалъ, что сіи болѣе нежели еретики, и вольно мыслящіе

роду человѣческому вредить могутъ. Онъ больше старался служить бѣднымъ, нежели знатнымъ, опасаяся отъ послѣднихъ щедраго по заслугамъ своимъ награжденія. Любовь наша къ Господину Р. ***. такъ далеко простиралась, что мы ничего безъ совѣту его не предпринимали.

Въ сіе самое время, когда наслаждались мы деревенскимъ уединеніемъ, любезной мой супругъ получилъ повелѣніе выступить въ походъ, потому что тогда началась между Шведами и Поляками война; но какъ принцъ С. *** при сей компаніи также находился, то сыскалъ случай звѣрское свое мщеніе самымъ подлымъ образомъ удоволствовать. Онъ поручилъ любезному моему Графу узкой и весьма опасной проходъ съ малымъ войскомъ защищать; но

какъ

какъ онъ по малости своей команды онаго оборонитъ не могъ, и къ несчастїю потерявъ людей самъ былъ раненъ, то приписывали оное его неосторожности, почему и повелѣно его судить воинскимъ судомъ, которой и учинилъ приговоръ отсѣчь ему голову, о чемъ я чрезъ слѣдующее письмо извѣстилась.

Живи вѣчно и благополучно, дражайшая моя супруга! Провидѣнїю угодно дни несчастныя моея жизни сократить. Сїе хотя меня и не ужасаетъ, но трепещу вспоминая, что честь и слава моя по гробъ мнѣ непослѣдуетъ, духъ мой съ бреннымъ тѣломъ моимъ разстаться долженъ на эшафотѣ предъ глазами любезныхъ моихъ сограждан, которые считать меня будутъ неистиннымъ отечества сыномъ; Небо знаетъ мою невинность

и

и пять ранъ, которыя я постъ мой защищая получилъ, свидѣтельствуютъ, что я честь мою и благосостоянїе отечества предпочиталъ жизни: почему я и не сомнѣваюсь, что причиною моего на смерть осужденїя добродѣтелью вашею озлобленной Принцъ С ***. Простите ему великодушно лишенїе васъ вѣрнаго вашего мужа, которой по справедливости долженъ для васъ меньше стоить, нежели ваша добродѣтель, которую сей неистовой поколебать старался, прости, моя любезная, и проси Всевышняго, чтобъ онъ въ часъ смерти моея подалъ мнѣ такую же бодрость, какую я нынѣ имѣю. Раны мои опасны, и дай Богъ, чтобъ были онѣ смертельны, дабы я могъ избѣжать стыда окончить жизнь мою какъ преступникъ. Въ пять дней послѣ сего казнь моя

 должна

должна исполниться. Утрату мою сноси, дражайшая, терпѣливо, и употребляй въ пользу совѣты любезнаго моего друга Р. ***. Онъ конечно тебя въ печали твоей не оставитъ. Я просилъ Короля писменно о отданіи вамъ моихъ деревень; но не думаю, чтобъ прозба моя была исполнена. Не печалься, любезная Графиня; и убѣгай отъ поисковъ коварнаго Принца, куда заблаго разсудишь. Живи! Ахъ! есть ли бъ скоряе наступилъ день моей казни. О! для чего я не послѣдовалъ во гробъ во время баталіи любезнымъ моимъ сотоварищамъ? Но сіе есть опредѣленіе Вышняго, которой судьбою нашею управляетъ. Я смерть мою съ бодростію ожидаю. Еще скажу разъ, живи благополучно, дражайшая моя супруга; я теперь пришолъ въ чрезвычайную слабость мое-

го тѣла ... Идетъ ко мнѣ мой молебной священникъ, я хочу его просить о врученіи вамъ сего письма. Обнимаю васъ, люблю васъ вѣчно, и уповаю увидѣться съ вами въ будущей жизни.

Печаль, въ которую я извѣстіемъ симъ была ввергнута, описать я не въ состояніи; перо никогда такъ недостаточно въ изъясненіи не бываетъ какъ тогда, когда надлежитъ описывать любовную страсть прерванную несчастнымъ приключеніемъ, однимъ словомъ нѣсколько дней была я со всѣмъ въ безпамятствѣ. Всѣхъ утѣшеній закона и разума чувствовать я была не въ состояніи; но сіи только что умножали мои сѣтованія, видя что оныя духа моего усмирить не могутъ. Назначенной день смерти моего мужа наступилъ.

Я препроводила его въ слезахъ и молитвахъ, и чувствовала неоднократно тотъ ударъ, которой жизнь мужа моего прекратить былъ долженъ. Никто мнѣ столько въ бѣдствіи моемъ не вспомоществовалъ, какъ господинъ Р. *** Онъ соболѣзновалъ и оплакивалъ со мною мое несчастіе, а между тѣмъ и подавалъ нѣкоторые совѣты служащіе къ моему утѣшенію.

Спустя послѣ сего восемь дней пріѣхалъ лакей моего мужа, и увѣдомилъ меня, что господинъ ево за три дни до назначеннаго для казни ево времени отъ ранъ своихъ умеръ. Вѣдомость сія несказанно меня обрадовала, хотя она была и печальна; и такъ онъ какъ воинъ отъ ранъ своихъ умеръ вскричала я, невидавъ печальныхъ пріуготовленій къ принужденной смерти, которыя самой

смерти

смерти злѣя; теперь я спокойна; я спрашивала, безъ поруганіяль его схоронили? Онъ сказалъ мнѣ, что въ ту ночь, какъ онъ умеръ, напали непріятели на деревню, и тотъ баталіонъ, при которомъ мужъ мой подъ арестомъ содержался, принужденъ былъ во всякой скорости и съ урономъ ретироваться, а въ семъ замѣшательствѣ и онъ съ прочими ушолъ; священникъ же полку моего мужа сыскалъ ему случай съ однимъ деташементомъ возвратиться, и мнѣ вѣдомость и нѣкоторыя вещи мужа моего принесть, почему и тѣло драгова моего супруга осталось въ рукахъ непріятельскихъ. Сей полковой священникъ ко мнѣ писалъ, и именемъ моего мужа совѣтовалъ, чтобъ я, какъ возможно, скорѣя Швецію оставила, дабы мщенію раздраженнаго Принца себя не подвергнуть. Указъ о отписаніи нашихъ де-

ревень, какъ я провѣдала еще до смерти мужа моего, былъ подписанъ; и такъ я вознамѣрилась ѣхать, и просила господина Р. ***, чтобъ со мною Швецию оставилъ. Домашнимъ нашимъ дали мы знать, что будто въ другія деревни поѣдемъ, и ничего съ собою не взяли, какъ только не большой сундучокъ, въ которомъ около тысячи червонныхъ и довольное число дорогихъ каменьевъ находилось: и такъ я въ провожаніи того лакея, которой привезъ мнѣ извѣстіе о кончинѣ Графской и служителя господ. Р. *** благополучно границу переѣхала. Скоро потомъ провѣдали мы, что деревни наши отписаны, и что за мною нѣсколько миль въ погоню гнались. Мы находилися въ Лифляндіи; однако я еще тутъ отъ поисковъ Принцовыхъ не была въ безопасности. Дядя меня во-

считавшей уже умеръ, почему я и не знала, которую землю избрать къ нашему пребыванію. Вѣрной мой проводникъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Голландію, потому что онъ въ Амстердамѣ имѣлъ пріятелей и увѣрялъ меня, что мнѣ тамъ понравится; здѣсь можете вы, говорилъ онъ, года два прожить, пока обстоятельства въ Швеціи перемѣнятся. Можетъ быть вамъ посчастливѣетъ, и вы со временемъ хотя нѣкоторую часть имѣнія вашего мужа получите.

Страхъ, чтобъ не попасться въ руки мстительному Принцу дѣлалъ мнѣ всѣ земли пріятнѣе моего отечества; и такъ я вознамѣрилась ѣхать съ нимъ въ Амстердамъ, и желала, чтобъ меня туда прежняя мужа моего любовница проводила. Мы около осмнатцати миль отъ нее нахо-

дились; ибо думали, что она еще живетъ въ деревняхъ моего мужа, которыя онъ имѣлъ въ Лифляндіи. И такъ господинъ Р *** туда поѣхалъ, дабы объ ней освѣдомиться. Лишъ только онъ уѣхалъ, то увѣдомилъ меня лакей, что онъ Королину въ церкви тоя деревни видѣлъ, въ которой мы тайнымъ образомъ жили; но только съ нею не говорилъ. Я послала ево за нею, и спустя нѣсколько времени къ немалому моему удовольствію ее увидѣла. Хотя она въ восемь лѣтъ, въ которыя я ее не видала нѣсколько наружной красоты и утратила, но въ обхожденіи пріятностей не потеряла. Я разсказала ей мою судбину, и спросила ее, не согласится ли она со мною ѣхать въ Амстердамъ. Она весьма сожалѣла о моемъ злоключеніи и о любви, которую я еще къ ней имѣла, вы поступаете

паете со мною, говорила она; весьма великодушно оказывая мнѣ милость вмѣсто того, чтобъ меня ненавидѣть. Я за великое себѣ нещастїе почитаю, что не могу съ вами ѣхать, потому что я съ годъ была весьма больна, слѣдовательно такъ дальнаго пути и не оправясь совершенно предпрїять мнѣ невозможно; но я вамъ клянусь, что какъ, скоро я выздоровѣю, меня ничто вамъ слѣдовать не удержитъ; а чтобъ о справедливости обѣщанїя моего надежнѣе васъ увѣрить, то я съ вами отпущу моего сына, ежели онъ васъ не обезпокоитъ; я на тѣ денги, продолжала она, которыя покойной вашъ свекоръ къ моему и сына моего пропитанїю назначилъ, въ сей деревнѣ нѣкоторую часть купила; я вручаю вамъ мой домъ не только къ вашему убѣжищу; но съ ве-

ликимъ удовольствіемъ къ собственному вашему владѣнію. Дай богъ, чтобъ вы могли у меня быть безопасны. Сколькобъ я симъ была довольна; единственноебъ мое желаніе состояло въ томъ, чтобъ вамъ служить.

Почему и переѣхала я въ ея домъ, въ которомъ хотя и не нашла никакова великолѣпія; однакожъ все было чисто и въ порядкѣ. А сіе самое хорошей хозяйкинъ вкусъ, и довольное въ экономіи знаніе показывало. Въ одной изъ лучшихъ ея комнатъ нашла я множество изрядныхъ книгъ, хотя и сказала она, что сіи книги употребляетъ ея сынъ; но я легко могла догадаться, что она сама оныя читала; потому что они были почти всѣ Французскія и Шведскія, и самыхъ тѣхъ Авторовъ, которыхъ мужъ мой почиталъ за наилучшихъ. Я

легко могла отгадать, кому она за сей хорошей вкусъ благодарить должна. Подъ зеркаломъ висѣлъ портретъ моего мужа; а какъ скоро она примѣтила, что я ево увидѣла, то мнѣ оной подарила, признаясь притомъ, что она ево сама рисовала, потомучтоона въ семъ художествѣ совершенное имѣла знанїе. Я почла сїе за грубость, чтобъ лишить ее сего напоминовенїя нѣжной, но несчастной ея къ Графу любви. Въ разсужденїи чего просила ее, чтобъ она съ сего другой для меня нарисовала, а сей бы оставила у себя.

Сыну ея еще не исполнилось тринатцати лѣтъ, однако онъ былъ разуменъ и учтивъ, что и показывало хорошее ево воспитанїе, а притомъ изъ себя былъ виденъ. Она объявила мнѣ, что съ покойнымъ моимъ

супругомъ прижила еще дочь, которую родила въ Голландіи, и оставила у своего брата, Гагскаго купца отъ части для его прозбы, а отъ части для другихъ причинъ; но сія дѣвочка на шестомъ году умерла, о чемъ къ ней братъ ея писалъ; я бы желала, продолжала она, чтобъ вы ваше жилище въ Голландіи у моего брата имѣли; но сколько я знаю, такъ ему не посчастливѣло, и я давно никакова извѣстія объ немъ не имѣю, и не знаю поправилъ ли онъ свое состояніе.

Между тѣмъ господинъ Р. *** возвратился, и время наступило, чтобъ намъ отъ сего мѣста удалиться, гдѣ мы долго не могли быть скрытны. Прежде нашего отъѣзда умеръ слуга господина Р. ***, котораго уронъ насъ не мало опечалилъ. Сей вѣрной человѣкъ отдалъ

далъ передъ смертїю своею господину своему четыре ста червонныхъ. Сїи денги, говорилъ онъ, собралъ я въ вашей службѣ и вашею податливостїю, почему и радуюсь, что я оныя вамъ обратно вручаю. Вашимъ милостивымъ наставленїямъ и вашимъ примѣрамъ долженъ я благодарить, что съ такою твердостїю ожидаю предстоящую мнѣ смерть.

Мы оставили теперь Королину въ провожанїи ея сына. Она обѣщала, какъ возможно, скоряе къ намъ прїѣхать, продавъ маленкую свою деревнишку. Мы прибыли въ Амстердамъ благополучно. Дядя господина Р. ***, у котораго мы при первомъ случаѣ намѣрены были разсположиться, хотя и умеръ, однакожъ дочь ево была еще жива. Она какъ скоро увидѣла господина. Р. ***, такъ скоро

ево узнавъ приняла насъ съ возможною ласкою. Я имъ открылась, и просила, чтобъ они о достоинствѣ моемъ не только никому не открывали, но чтобъ оное совсѣмъ и позабыли, и менябъ не за Графиню, но за нещастную пріятельницу почитали. Они уже о приключившемся съ мужемъ моимъ несчастіи чрезъ вѣдомости слышали, и хотябъ я никакихъ достоинствъ, могущихъ меня у сихъ людей въ благосклонность и почтеніе привесть, не имѣла, чтобъ и одно несчастіе мое было наилучшею за меня рекомендаціею; однимъ словомъ, сіи люди оказывали мнѣ прежде нежели я ихъ совершенно узнала, болѣе почтенія и пріязни, нежели могла я требовать. Они отдавали мнѣ цѣлую половину своего дома для моего пребыванія; но я болѣе двухъ горницъ не взяла, а чтобъ я симъ добро-

дѣтельнымъ

дѣтельнымъ людямъ не была въ тягость, то открыла господину р. *** что я мои камни хочу продать, деньги же отдать въ торгъ ево племянницѣ; на что онъ сказалъ, что съ своими четырмя стами червонныхъ, которые онъ отъ слуги своего получилъ, сїе же самое исполнилъ. Услужливой мой хозяинъ продалъ мои каменья за двенатцать тысячь ефимковъ, и сказалъ, что онъ отъ сего интересоваться не хочетъ, а надлежащей прибытокъ отдавать мнѣ будетъ, которой по исчисленїю ево торгу на сей капиталъ придетъ. Я просила ево, чтобъ онъ мнѣ никакова отчету не подавалъ, но толькобъ меня и обѣихъ моихъ спутниковъ содержалъ. Я жила здѣсь такъ спокойно, что лучшаго мѣста для пребыванїя моего избрать немогла. Господинъ р. *** не имѣя никакова дѣла, принялъ на

себя

себя трудъ королинина сына съ великимъ старанїемъ воспитать. Онъ училъ сего молодаго человѣка языкамъ и свободнымъ наукамъ, а особливо познанїю закона и добродѣтели, и чево наставленїе ево не могло здѣлать, то исправлялъ онъ своимъ примѣромъ. Ученикъ былъ своему учителю подобенъ, и награждалъ труды ево понятїемъ и прилѣжностїю. Я препроводила время по большой части въ чтенїи разныхъ книгъ, и обыкновенно въ день цѣлой часъ съ нашимъ ученикомъ разговаривала, и старалась ему внушить благопристойность, которую молодой человѣкъ во всѣхъ своихъ поведенїяхъ наблюдать долженъ. Скорое и горячее ево свойство старалась я усмирить моею важностїю, обходилась съ нимъ весьма странно, представляя ему разныхъ лицъ, дабы онъ единственно къ моему

обхо-

обхожденію не пріобыкъ, и въ моемъ бы сотовариществѣ могъ всегда нѣчто новое находить. Я также препровождала нѣкоторые часы съ дочерью хозяйки нашей, которой было около осьми лѣтъ, и учила ее по Французски, рисовать, шить золотомъ, также и пѣть, словомъ я вела весьма покойную жизнь. Хозяинъ мой и хозяйка способствовали моему уединенію, не водили меня никогда въ публичныя собранія, и старались, чтобъ все, чегобъ я ни потребовала, готово было къ моему удовольствію меня почитали въ домѣ ихъ хозяйкиною родственницею, и кто со мною ни обходился, о состояніи моемъ неболѣе зналъ. Умолченное мое достоинство не принуждало меня въ собраніяхъ съ важнымъ и отягощеннымъ видомъ представлять знатную особу; а сіе къ великой моей служило пользѣ.

Ежели

Ежели бы знали, что я была Графиня, тобъ вмѣсто того, что теперь почитають, любятъ и ищутъ моего содружества, дѣлали бы одно только наружное достоинству моему надлежащее почтенiе.

Я теперь уже четыре года въ Амстердамѣ препроводила, и многажды къ Каролинѣ писала, и напоминала ей о ея обѣщанiи, чтобъ ко мнѣ прiѣхать, но она не прiѣзжала.

Сынъ ея теперь будучи уже въ довольныхъ лѣтахъ, долженствовалъ вступить въ такую должность, къ которой былъ склоненъ. Онъ оказывалъ охоту къ воинской службѣ, а господинъ Р... не довольно, что сему не противился, но еще выборъ ево и похвалялъ. Разумные, и ученые люди, говорилъ онъ, нигдѣ такъ не нужны и не полезны

лезны, какъ тамъ, гдѣ множество невѣждъ, будьте солдатомъ, и знайте, что неустрашимому, храброму, мудрому, предосторожному и дружелюбному быть надлежитъ, естьли вы законъ помните и чистую совѣсть имѣть будете, то смерть хотя не совсѣмъ равнодушно, однакожъ безъ устрашенія ожидать, и никогда изъ трусости убѣгать оныя не будете, въ семъ и состоитъ настоящая храбрость. Мы купили ему прапорщичье мѣсто, и онъ отправился къ своему полку, которой стоялъ тогда на Голландскихъ границахъ.

Теперь приходитъ удивительное приключеніе моей жизни, и за которое мнѣ отъ людей знатность почитающихъ, и отъ людей, которые другихъ не для хорошихъ

свойствѣ, но единственно по знатности природы и по чину почитаютъ, трудно быть извиненной. Я была еще въ цвѣтѣ моихъ лѣтъ, и пріятности на лицѣ моемъ не совсѣмъ еще изчезли, почему и сватались за меня многіе небезнатные и достаточные Голландцы; но старанія ихъ были безплодны; которая такъ любви достойнаго мужа, какъ я имѣла, та не скоро можетъ истребить прежнюю свою любовь и склониться на второй бракъ, и хотя никто изъ моихъ любителей конца желанія своего не достигнулъ, однакожъ возбуждали они во мнѣ напоминовеніе любвныхъ пріятностей; почему и помышляла я вступить во второе супружество. Нѣкогда предъ обѣдомъ пришолъ ко мнѣ господинъ Р. *** и спросилъ меня, вознамѣрилась ли я ко второму бракосочетанію?

Развѣ

развѣ вы мнѣ совѣтуете вытти за мужъ, сказала я? Не прежде, отвѣчалъ онъ, пока я увижу, что вамъ оное собственное ваше сердце совѣтуетъ. Вы знаете мою искренность, и вѣдаете, что я ничего того за счастїе не почитаю, что противъ желанїй нашихъ исполняется. Между великимъ числомъ, которые стараются снискать ваше сердце, продолжалъ онъ, никто мнѣ лучше не нравится, какъ господинъ Х. *** для того что онъ ученъ, важное достоинство, и другїя многїя преимущества имѣетъ, хотя сїе истинная правда, что онъ любви достойной человѣкъ, и хотя я человѣка съ подобнымъ вашему мнѣнїемъ разсматриваю; но я люблю ево какъ прїятеля, и какъ прїятель можетъ онъ и вамъ любви достойнымъ показаться; но не такъ какъ женихъ. Сердце

наше

наше отъ природы таково, что оно любовь иногда противу воли нашей ощущаетъ: и для того я не смѣю вамъ совѣтовать предпочесть ево другимъ, а отдаю на вашу волю избирать посклонности вашей супруга.

Я увѣряла, чтобъ совѣту ево послѣдовала, какъ бы скоро собственную мою къ сему человѣку склонность примѣтила; но для чего вы не женитесь, продолжала я? О! говорилъ онъ, я бы конечно сіе учинилъ, ежелибъ мнѣ обстоятельства моя позволяли. Любовь и моя философія между собою въ семъ случаѣ непротивны; на любви основанной бракъ по всѣмъ разсужденіямъ за главнѣйшее благополучіе человѣческой жизни почесть можно. Покажите вы такую особу, котораябъ мнѣ была прилична, и увѣрилабъ меня, что

она мною владѣть желаетъ, то я испытая ея постоянство съ немалымъ удовольствіемъ учиню моею супругою; однакожъ, отвѣтствовала я, вы всегда сколько я васъ знаю, чрезвычайно равнодушными къ нашему полу казались, отъ чево сіе происходитъ, что вы теперь о любви говорите? Не мѣшайте цѣломудрія съ равнодушіемъ, говорилъ онъ, я знаю, что иногда и любовію столькожъ какъ ненавистію наскучить можно, въ разсужденіи чего я весьма остороженъ; но не могу сказать, чтобъ къ женскому полу со всѣмъ былъ безпристрастенъ. Я знаю одну особу, сказала я, которая васъ любитъ, и думаю, что вамъ понравится: однакожъ не знаю, та ли съ которою вы наитѣснѣйшимъ союзомъ любви обязаться желаете. Онъ изумился и спрашивалъ меня неоднократно, ктобъ она

была

была такая? Я обѣщала ему, что онъ послѣ обѣда ее увидитъ. Почему отобѣдавъ послала я къ нему мой потретъ, и написала билетъ почти такого содержанія.

Вотъ, какова была та въ ея молодости, которая васъ любитъ, сперва она къ вамъ только дружбу и почтеніе чувствовала. Время и ваше достоинство движеніе сіе въ любовь превратило. Любезной другъ моего мужа имѣетъ первое право въ моемъ сердцѣ. Вы такъ великодушно и добродѣтельно сомною обходились, что должна я васъ любить. Отвѣтствуйте письменно; но не отговаривайтесь вашимъ родомъ, вы имѣете достоинство, что нужды до неравности природы, а притомъ же здѣсь почти никто о фамиліи моей не знаетъ

Онъ

Онъ тотчасъ ко мнѣ пришолъ, и тотъ самой человѣкъ, которой какъ при жизни, такъ и по смерти моего мужа никогда и нималѣйшей не оказывалъ мнѣ ласки, теперь такимъ прїятнымъ образомъ нѣжную свою страсть изъяснилъ , чтобъ я, хотя ево и не любила, должна была почувствовать страсть; теперь, говорилъ онъ , позвольте открыть вамъ мое сердце, теперь могу я вамъ въ страсти моей признаться, которую прежде почтенїе къ вамъ таить отъ васъ принуждало. Я никогда не воображалъ столько быть щастливъ ; но хотябъ я и думалъ, тобъ никогда самолюбїе надъ разумомъ моимъ не восторжествовало. Теперь вы столько дѣлаете меня щастливымъ, что ничего къ совершенному моему благополучїю не не достаетъ Словомъ, мы пошли къ нашей хозяйкѣ, и объявили ей

наше намѣренїе ; а она и ея мужъ нечаянною сею вѣдомостью чрезмѣрно были порадованы. Небольшой нашъ капиталъ въ шесть лѣтъ въ торгу почти въ двое умножился, и мы оба могли онымъ безъ нужды прожить; но великодушные наши хозяева не хотѣли насъ изъ своего дому отпустить; а оказывали намъ какъ и прежде всевозможные опыты дружества ; и такъ господинъ Р *** здѣлался моимъ мужемъ. Я могу чистосердечно увѣрить, что ево столькожъ чрезвычайно, и искренно любила, какъ и перьваго моего мужа, съ которымъ нравомъ былъ онъ сходенъ; но наружнымъ видомъ не былъ онъ ему равенъ. Сей былъ немалаго росту; но не имѣлъ чрезвычайныхъ въ лицѣ прїятностей, коибъ съ перьваго взгляду могли тронуть, а надлежало ево нѣсколько разъ видѣть, и съ нимъ разговаривать, чтобъ совершенно его полюбить;

сло-

словомъ, онъ мнѣ понравился, и я всякой день въ обхожденіи ево находила новыя пріятности, любить понуждающія. Ему было около сорока лѣтъ, и онъ съ того времени, какъ я начала ево знать, ничего въ лицѣ не перемѣнился. Порядочное и тихое ево житіе столько сохраняло здоровье, что онъ въ цвѣтущей молодости быть казался. Кто былъ насъ щастливѣе? Наше счастіе никому помѣхи не дѣлало, а тѣмъ спокойнѣе мы онымъ могли наслаждаться; мы жили не повелѣвая, но были и неповелѣваемы, и въ дѣлахъ нашихъ кромѣ насъ самихъ никому отчету давать не долженствовали: имѣли содружество только съ тѣми, нравы коихъ съ нашими были согласны, и жили въ многолюднѣйшемъ городѣ въ тишинѣ и покоѣ; праздное время препровождали мы либо

читая книги, либо размышляя о суетѣ жизни сея; бракъ неуменьшилъ любви нашей нѣжность; но придалъ ей еще новыя силы. Обладанїе мною мужъ мой почиталъ за неоцѣненное сокровище, и старался во всемъ мнѣ угождать; а я съ моей стороны почитала за должность имѣть къ нему особливое почтенїе, и повиноваться ево повелѣнїямъ; а въ разсужденїи тово, что любовь наша основанїемъ имѣла сходство нашихъ нравовъ, то уповали мы, что она во вѣки неуменшится, и что при концѣ нашей жизни такую же имѣть будемъ горячность какую и въ первые дни нашего брака.

Я обращаюсь опять къ моей повѣсти. Мы жили, какъ я уже сказала, во всякомъ довольствїи, и увѣдомили Карлзона (такъ назывался Каролининъ сынъ) о нашемъ бракосочетанїи, и просили ево, ежели можно, къ намъ прїѣхать; потому что

мы

мы съ нимъ года съ четыре уже не видались. Онъ писалъ къ намъ, что произведенъ порутчикомъ, и что предъ нѣсколькими недѣлями съ одною дѣвушкою обвѣнчался, которая изъ любви къ нему монастырь оставила. О родѣ ея не могъ онъ намъ ничего сказать; потому что она шести лѣтъ въ монастырь отдана, и въ ономъ только подъ именемъ Маріаны была знаема. Хотя бы она и подлое имѣла произхожденіе; однакожъ столь любви была достойна, что онъ единственно для того желаетъ достигнуть высокаго степени достоинства, чтобъ онымъ почтить могъ свою супругу, и чрезмѣрно просилъ, чтобъ мы въ Гагу пріѣхали, отъ котораго мѣста онъ въ нѣсколькихъ миляхъ разстояніемъ стоялъ въ квартирѣ. Сія вѣдомость болѣе насъ устрашила, нежели обрадовала; мы усматривали, что

 при-

причиною сего брака горячая любовь; но не знали, съ довольнымъ ли разсужденіемъ оной заключенъ; однакожъ послали къ нему нѣсколько сотъ червонныхъ, дабы онъ свои обстоятельства тѣмъ удобнѣе могъ поправить, и обѣщали такъ скоро его посѣтить, какъ скоро время и состояніе моего здоровья дозволитъ; потому что я не за долго предъ симъ родила дочь. Слѣдующею весною поѣхали мы въ Гагу, и нашли въ Карлзонѣ и его супругѣ чету достойную другъ друга. Красота Маріанина была чрезвычайна. Она имѣла русые волосы, сѣрые и любить нудящіе глаза, которые стыдливыми и будто бы измѣняющими нѣжному ея сердцу казались, и хотя бы прочія части лица ея и станъ нестолько стройны были, тобъ ей и одни глаза имя красавицы доставили. О разумѣ ея не хочу я много и говорить; для того

что Всевышнее Существо довольно ее онымъ наградило: однимъ словомъ, она была любви и почтенія достойна.

Трудъ мой былъ бы тщетенъ, естьлибъ я старалась изыскать довольно словъ, къ описанію нѣжной и горячей къ мужу ея любви; почему я и мужъ мой выборомъ Карлзоновымъ были весьма довольны, и столько ощущали удовольствія видя сію прекрасную чету, что не хотѣли съ ними разстаться, и для того приказали переслать изъ Амстердама денегъ, и прожили у нѣжныхъ сихъ супруговъ болѣе года. Къ совершенной нашей радости не доставало только Каролинина присутствія; но мы и отъ нее получили письмо, которымъ увѣдомляла, что она выздоровѣла, и скоро къ намъ быть намѣрена. Мы послали за ней тово лакея, которой увѣдомилъ

милЪ меня о кончинѢ перваго моего мужа; но онЪ сЪ ней встрѢтился на дорогѢ, и она кЪ намЪ прїѢхала прежде нежели мы ожидали, и принимала истинное участїе вЪ радости своего сына и нашемЪ удовольствїи. Между тѢмЪ Марїана родила дочь, а сїе служило намЪ кЪ новой радости; но чемЪ болѢе имѢли мы причину Марїаною быть довольны, тѢмЪ нетерпѢливѢе желали освѢдомиться о подлинномЪ ея происхожденїи; однакожЪ все употребленные на сїе труды были безплодны. Марїана вЪ любясь вЪ Карлзона тайно изЪ монастыря ушла, и для того намЪ вЪ изслѢдованїи сея тайны надлежало поступать осторожно, дабы открытїемЪ сего не привесть ее вЪ опасность. ВЪ монастырѢ отвѢтствовали тѢмЪ, которыхЪ мы туда выспрашивать посылали, что

что имъ Маріанино состояніе и рожденіе неизвѣстны; но только сказывали, что она шести лѣтъ отдана въ монастырь нѣкакимъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, которой нѣкоторую сумму денегъ на ея воспитаніе оставилъ, и ничево болѣе о родѣ ея не объявилъ, какъ только что она дочь нѣкотораго несчастнаго Голландца, которой не хотѣлъ ее воспитать въ реформаторскомъ законѣ, а можетъ, де, быть объявилъ онъ болѣе Игуменьѣ; но она умерла: словомъ, мы ничево обстоятельнаго не узнали, да сіе и неудивительно, потому что часто дѣти отдаваемы бываютъ въ монастырь подъ чужимъ именемъ, и незнакомыми воспитываемы бываютъ.

На конецъ вознамѣрились мы опять въ Амстердамъ возвратиться, для того что наши

обстоятельства требовали сея разлуки. Каролина провожала насъ до Гаги, гдѣ старалась освѣдомиться о братѣ своемъ; но болѣе ничего не провѣдала, какъ то, что уже мы знали, то есть, что онъ по смерти своей жены здѣлавшись несчастливъ, и потерявъ все свое имѣнїе уѣхалъ въ западную Индїю, дабы снова счастїе свое извѣдать. Мы пробывъ еще нѣсколько дней въ Гагѣ, и получивъ потребныя къ пути нашему деньги, хотѣли ѣхать; но нашъ корреспондентъ, отъ котораго мы получили деньги, увѣдомилъ насъ, что въ Амстердамъ предъ нѣсколкими днями пришелъ корабль изъ западной Индїи, на которомъ и господинъ Андреасъ (такъ назывался Каролининъ братъ) тотъ купецъ, о которомъ мы прежде спрашивали, назадъ возвратился, и сево дня у нево былъ. Сїя вѣдомость до-

вольно

вольно была важна, и мы не могли продолжать нашего пути неувидясь съ господиномъ Андреасомъ. Но лучше бы было, естьлибъ Всевышнїй благоволилъ, чтобъ мы ево во всю нашу жизнь не видали! Онъ надругой день пришолъ къ намъ, и Каролининъ перьвой вопросъ былъ, для чего онъ при отъѣздѣ своемъ изъ Голландїи не увѣдомилъ обстоятельно о смерти ея дочери? развѣ Марїана умерла, говорилъ онъ? Что тебѣ дѣла до Марїаны, отвѣтствовала ему сестра, вить дочь моя называлась Каролиною, гдѣжъ она, развѣ она не умерла? О когдабъ богъ сїе далъ! Да, говорилъ Андреасъ, я знаю, что она Каролиною называлась; но изъ любви къ моей женѣ назвалъ я ее Марїаною, которая также симъ именемъ называлась. Я тебѣ все разскажу; но прошу меня во всемъ простить.

Жена моя умерла, какъ я васъ за десять лѣтъ предъ симъ увѣдомлялъ, Маріана также была при смерти: но она выздоровѣла; между тѣмъ я здѣлался банкѣротомъ, что и принудило меня оставить мое отечество. Ты знаешь, что я католицкаго закону. Я любилъ твою дочь, и желая ее воспитать въ томъ же законѣ и благонравіи, собравъ остальное мое имѣніе отдалъ сіе любезное дитя въ монастырь, лежащей на границахъ Австрійскихъ Нидерландовъ; я только что хотѣлъ туда ѣхать и освѣдомиться о любезной моей Маріанѣ, какъ меня сюда позвали, я не могу болѣе ждать, и хочу вѣдать, живаль еще она, поѣдемъ сомною, говорилъ онъ Каролинѣ, мы сію минуту въ монастырь поѣдемъ, и чрезъ три дни опять сюда возвратимся, потомъ негоговоря болѣе ни слова вышли они оба.

мы симъ разговоромъ приведены были почти въ безпамятство, и долго неговоря другъ на друга смотрѣли. Напослѣдокъ мужъ мой вскричалъ, боже! что это такое! Маріана, монастырь и недалеко отъ границъ! какія ужасныя вѣдомости! Ахъ бѣдной и злощастной Карлзонъ! Дай богъ, чтобъ наши мнѣнія въ семъ случаѣ были несправедливы, чтобъ Андреасъ опять тамъ очутился, или лучше сказать, чтобъ никогда въ Европу не возвращался! Присутствіе ево конечно намъ откроетъ печальную тайность, котораябъ отъ насъ вѣчно была скрыта, Каролина найдетъ дочь свою женою своего сына. Сими ужасными воображеніями мучились мы до ихъ возвращенія. Видъ ихъ, съ которымъ они возвратились, не далъ намъ долѣе сомнѣваться о справедливости нашего мнѣнія. Каролина

утопала въ слезахъ, и была неутѣшна, а братъ ея, будучи человѣкъ твердой, хотя и не показывалъ крайне печальнаго виду, однакожъ казался быть задумчивымъ. Мы долго ни отъ котораго не могли ни слова вывѣдать; на послѣдокъ разсказали они то, о чемъ ихъ въ монастырѣ увѣдомили. Одна молодая питомица именемъ Марїана, которая въ такомъ то году и мѣсяцѣ (тотъ самой годъ и мѣсяцъ, въ которомъ господинъ Андреасъ дочь Каролинину отдалъ) была отдана въ монастырь для воспитанїя; но назадъ тому сполтора года изъ онаго тайно ушла, и вышла за мужъ за одного молодова дворянина. По сему извѣстїю принуждены мы были вмѣсто чтобъ ѣхать въ Амстердамъ, возвратиться въ Карлзонову квартиру. Мы всѣ четверо были увѣрены, что сїя питомица никто иная, какъ

жена Карлзонова; но какъ бы справедлива вѣдомость ни была, которой подлинность насъ устрашаетъ, а противное оной радуетъ, то мы часто оную стараемся здѣлать сомнительною; не моглалибъ я узнать, говорила Каролина, моей дочери? Не ужели то она никакова сходствїя со мной не имѣетъ? Но сїя дѣвочка была только еще нѣсколькихъ мѣсяцовъ, какъ она ее оставила. Молодой дворянинъ, часто повторялъ мой мужъ дорогою, молодой дворянинъ! Не ужли Карлзонъ такъ себя называлъ? нѣтъ, онъ довольно цѣломудренъ, и не думаю, чтобъ присвоилъ себѣ такое достоинство, въ которомъ онъ нерожденъ. Нѣтъ, нѣтъ, говорила я, не дай сего Богъ. Ежелибы онъ двоpяниномъ себя назвалъ, то для чегобъ ему несказать, что онъ офицеръ? Можетъ статься, что въ томъ же

году

году другая дѣвочка отдана была въ монастырь, которая также Маріаною называлась. И такъ будучи исполнены страха и надежды, пріѣхали опять къ нашему Карлзону. Мы уговорились поступать осторожно, а чтобъ о причинѣ нашего возвращенія ни ему ни ей не дать знать, хотѣли мы сказать, что будучи обрадованы прибытіемъ госп. Андреаса, для того назадъ возвратились, дабы раздѣлить съ ними наше удовольствіе: нѣтъ, сказала я, ежели мы имъ сію печальную тайну вдругъ откроемъ, то лишимъ Маріану жизни, а надобно сперва осмотрѣться, и естьли она справедливо Каролинина дочь, то я ее буду просить, чтобъ она любя меня на нѣсколько времени съ нами въ Амстердамъ поѣхала. Мужъ ея не откажетъ мнѣ сего удовольствія, и ежели она будетъ

въ

въ Амстердамѣ, то тамъ можно будетъ сказать ей о ея родителяхъ, а потомъ можно увѣдомить и Карлзона, и дать ему знать, что онъ ее болѣе во всю жизнь свою видѣть не долженъ; и сей есть одинъ способъ, которымъ мы имъ въ сожалѣнія достойномъ заблужденіи помочь можемъ: онъ знаетъ законъ, и повинуется разуму., и для того несчастіе сіе конечно сносить будетъ съ терпѣніемъ: а дочь родившуюся отъ сего несчастнаго брака я воспитаю, дабы Маріана не имѣла предъ глазами сего печальнаго знака толь нѣжной, а теперь недозволенной своей любви. Съ такимъ расположеніемъ нашихъ намѣреній прибыли мы къ Карлзону. Онъ увидя насъ бѣжалъ къ намъ со удивленіемъ на встрѣчу. Мы столько притворясь, сколько было возможно сказали ему, что господинъ Андреасъ, Каролининъ

нин брат, котораго мы в Гаге возвратившагося из Индіи нашли, причиною нашего к нему возвращенія. Он был сим весьма доволен, мы вошли в Маріанину комнату; но лишь увидел ее Андреас, то бросился ей на шею, и кричал ужасным голосом: боже! умилосердись! Она это! это она, о! я злощастной всему виновен; (столь хорошо исполнил господин Андреас наше намѣреніе, которое мы предпріяли, чтоб поступать в сем дѣлѣ осторожно.) Каролина убѣжала, как безпамятная, вон. Маріана хотѣла от Андреаса освободиться; но он не выпускал ее из своих объятій. Я не имѣла столько силы, чтоб туда итти, и его от нее оторвать. Карлзон стоя спрашивал неоднократно, чтоб сіе значило? Мой муж хотѣл оное ему изъяснить: однакож при всяком сло-

вѣ

рѣ остонавливался, на конецъ Маріана пришла ко мнѣ, и просила, чтобъ я ей открыла, что значатъ сіи толь важныя, но притомъ съ плачемъ смѣшенныя Господина Андреаса объятія? Я увѣряла ее о вѣчномъ моемъ дружествѣ, держа ее притомъ въ моихъ объятіяхъ; между тѣмъ пришолъ ея мужъ, и хотѣлъ ее изъ рукъ моихъ исторгнуть; но вскричала я, нѣтъ, нѣтъ, Маріана тебѣ не жена, но сестра, отъ чего она въ туж самую минуту упала въ обморокъ. Я и мой мужъ первѣе въ себя пришедъ перенесли ее на кроват. Она для того отъ одного обмороку опамятовалась, чтобъ впасть въ другой, и мы ее не могли цѣлой день привесть въ чувство Мужъ мой между тѣмъ пошолъ за Каролиною, которую мы съ того времени, какъ она изъ горницы ушла, не видали. Онъ ее нашелъ въ садовой безѣ-

кѣ

кѣ на колѣняхъ богу молящуюся. Я приступаю къ другому дни: теперь потекли у всѣхъ слезы и воздыханія, которыя вчера ужасомъ были удержаны, и мы искали нашего утѣшенія въ сожалѣніяхъ и соболѣзнованіяхъ. Карлзонъ подошелъ къ кроватѣ своей Маріаны, а съ нимъ страхъ, стыдъ, сожалѣніе, и любовная нѣжность послѣдовали. Ужасно было смотрѣть, какъ сіи два человѣка между собою разговаривали. Законъ повелѣвалъ страстную ихъ любовь перемѣнить въ родственную; а сердца ихъ желали тому противнаго. Они другъ друга несказанно любили, и только лишъ начали пріятностію брака наслаждаться, а уже и долженствовали сладкой сей союзъ безъ замедлѣнія разорвать. Они другъ друга не видали: и такъ не помогало имъ дружелюбіе, которое особливо любовь между родственниковъ

никовъ погашаетъ. Ахъ; братецъ, вскричала Марїана не однократно повторяя, оставь меня, оставь нещастный супругъ, и начинай меня ненавидѣть, я твоя сестра; но нѣтъ! мое серце мнѣ ничего о томъ не говоритъ, я твоя, конечно твоя, бракъ насъ обязуетъ, и богъ конечно не разлучитъ. Карлзонъ нелучшаго былъ мнѣнїя; онъ повиновался страсти, и противяся повелѣнїю закона, не называлъ ее сестрою, но своею Марїаною, и старался доказать, что бракъ ихъ отъ бога позволенъ, хотя бы отъ людей былъ и проклинаемъ: неоднократно притомъ повторялъ, что они публично обязаны священными узами, которыхъ ничто кромѣ смерти разорвать не можетъ; онъ проклиналъ стократно своего дядю, и жалѣлъ, что онъ не умеръ неоткроя сей тайны, которая изъ рукъ его

похищала

похищала дражайшую ево супругу; на послѣдокъ Каролина подошла къ Маріаниной кровати, а Карлзону прочь отступить приказала. Дочь моя, сказала она, я тебя для того опять нашла, чтобъ исторгнуть изъ рукъ твоего брата, можетъ быть это наказаніе, что я . . . . однако богъ уже сіе соизволилъ, вы оба невинны, ваше невѣденіе оправдаетъ вашу любовь, а знаніе теперь оную запрещаетъ. Я ваша мать, и люблю васъ, какъ моихъ дѣтей; но я васъ презирать буду, когда вы союзъ брака союзу родства предпочтете. хотя рѣчь сія и весьма была кротка, но для любовниковъ казалась громовымъ ударомъ, и снова въ обѣихъ отчаяніе возбудила. Мужъ мой избравъ ближайшую дорогу успокоить нѣжныя несчастныхъ сихъ сердца сказалъ, что это важное дѣло, намъ рѣшить немо-

жно,

жно, а должно положиться на рѣшеніе духовныхъ имѣющихъ совершенное въ богословіи знаніе, можетъ, де, быть, что бракъ сей оставятъ они безъ разводу. Сіе предложеніе печаль обѣихъ супруговъ нѣсколько уменьшило, а любви ихъ сопротивлялось. Они вознамѣрились положиться на рѣшеніе Духовныхъ лаская себя притомъ пріятною надеждою, что они имъ любовь ихъ продолжать позволятъ. Мы между тѣмъ склонность ихъ употребили въ пользу, и понуждали Маріану съ нами въ Амстердамъ ѣхать, а Карлзону совѣтовали на полгода отпроситься, и естьли будетъ отпущенъ, то за нами жъ слѣдовать. Все сіе обѣимъ имъ понравилось, и Маріана была въ состояніи въ путь отправиться; а какъ мы къ отъѣзду готовились, то Карлзонъ получилъ повелѣніе безъ замедлѣнія подъ

лишеніемъ

лишенїемъ чина, къ полку явиться. Сїя вѣдомость неожидаемое учинила дѣйствїе. Карлзонъ былъ обрадованъ; но Марїана опять въ унынїе впала, и примѣтя ево радость жестоко упрекала называя ево вѣроломнымъ, которой съ ней разлучиться желаетъ; и такъ мы изъ сего къ несчастїю нашему весьма ясно видѣли, сколь горячо любила она еще своего мужа. Карлзонъ увѣрялъ ее и клялся, что онъ ее любитъ несказанно, и что получа извѣстїе о походѣ единственно только для того онъ радуется, что случай сей за такой почитаетъ, которой способенъ къ разрѣшенїю сего толь сомнительнаго дѣла; естьли я въ баталїи жизнь мою потеряю, то кто тогда щастливѣе насъ будетъ, не долженъ ли я смерть мою предпочитать мученїю васъ видѣвъ нелюбить; будь утѣшна, любезная марїана, ежели

ли я возвращусь , то сїе есть знакъ , что богъ нашего брака не разрушаетъ ; ежелижъ потеряю жизнь , то сїе будетъ доказательствомъ , что ты такого человѣка лишилась , которой братомъ твоимъ , а не мужемъ быть долженъ. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ иногда и заблужденїе бываетъ полезно; однимъ словомъ, Карлзоново заблужденїе на конецъ успокоило ево и Марїану. Они оставили обстоятельства свои разбирать Небу, и отъ сего своего Судїи надѣялись получить рѣшенїе согласное съ ихъ желанїями. Они просили бога о всевышнемъ его покровительствѣ не иначе, какъ бы имъ вредить весь намѣрился свѣтъ, и въ семъ мнѣнїи столь утвердились, что никакими доказательствами о несправедливости сего увѣрить ихъ было неможно. Карлзонъ съ такимъ веселымъ

видомъ поѣхалъ, какъ будто бы онъ въ баталіи Маріану выиграть надѣялся, а Маріана, казалось, будтобъ съ тѣмъ ево отпускала, чтобъ потомъ на вѣки соединиться. Какъ скоро онъ уѣхалъ, то мы всѣ поѣхали въ Амстердамъ. Андреасъ, которой нѣсколько въ Индіи понабогатился, остался въ Гагѣ для производства торгу, въ которой и Каролина нѣкоторую часть изъ привезенныхъ съ собою денегъ положила. По пріѣздѣ нашемъ въ Амстердамъ нашли мы добраго нашего хозяина въ прежнихъ обстоятельствахъ, и разсказали ему подробно о произшедшемъ въ семьѣ нашей нещастномъ приключеніи.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ получили мы извѣстіе, что Карлзонъ отъ горячки умеръ. Каролина, я, и мужъ мой, хотя весьма о немъ сожалѣли; но

когда

когда мы о бракѣ его разсуждали, то смерть его была такое извѣстїе, котораго мы желать долженствовали; ибо ктобъ могъ толь опасное дѣло лучше рѣшить, какъ смерть? рѣшенїе Духовныхъ точно бы противно было желанїямъ нѣжныхъ сихъ супруговъ, а они бы другъ съ другомъ не разстались. Теперь осталась намъ еще опасная комисїя, увѣдомить о семъ Марїану. Мы разсуждали, что хотя она на опредѣленїе Всевышняго и полагалась; но въ той единственной надеждѣ, какъ уже я и прежде объявила, что она драгимъ своимъ супругомъ вѣчно обладать уповала, почему мы и предусматривали, что Марїанина печаль, и унынїе снова возбудится; однакожъ необходимо надобно было ей сїе знать. Мы приказали позвать ее въ нашу комнату, и господинъ Р. *** мой мужъ

 взялъ

взялъ на себя открыть ей о смерти ея мужа. Я думаю, Марiана, сказалъ онъ, что вы скоро отгадаете то, о чемъ я васъ хочу увѣдомить; но не страшитесь, для того что сiе угодно всевышнему Провидѣнiю: вотъ письмо изъ лагеря. Не сказывайте мнѣ больше, отвѣчала Марiана, я уже могу знать содержанiе онаго, мужъ мой умеръ, хотя я и несчастна; но тѣмъ по крайней мѣрѣ довольна, что насъ не люди, но богъ разлучилъ. Изъ сего заключаю я, что бракъ нашъ всевышнему неугоденъ; но скажите мнѣ, какъ онъ жизнь свою окончалъ.

Мы удивились сему нечаянному великодушiю, и видѣли, что напрасно приготовлялись утѣшать. Послѣ чего оплакивала она мужа своего тихими и умѣренными слезами. Чрезъ нѣсколько дней получили мы письмо, на которомъ надпись была руки Карлзоновой. Я чистосердечно признаюсь,

признаюсь, что тогда больше устрашилась думая что онЪ еще живЪ, нежели тогда, какЪ получили извѣстїе о ево смерти: боже! размышляла я, что опять будетЪ? Карлзону конечно вЪ разсужденїи слабости ево здоровья дадутЪ абшидЪ, а любовь ево непремѣнно сюда приведетЪ. Марїана же отЪ радости была внѣ себя; письмо было кЪ ней надписано, и она ево не скоро распечатала; но держала вЪ рукахЪ какЪ нѣкое неизвѣстное сокровище, котораго открыть не хотѣла, не представя сколько она онымЪ счастлива быть можетЪ. На конецЪ по распечатанїи сего увидѣли мы что сїе письмо нѣсколькими недѣлями прежде было писано тово, которое насЪ о смерти Карлзоновой увѣдомило; словомЪ, это письмо было то, которое онЪ писалЪ при послѣднемЪ своемЪ концѣ. И которое

торое я подлинникомъ присемъ сообщаю.

ДРАЖАЙШАЯ МАРІАНА!

Сїи суть въ четыре недѣли моея болѣзни первые часы, что я опамятовался, и могу васъ о болѣзни моей увѣдомить; но сколько я счастливъ, что былъ въ безпамятствѣ; потому что болѣзнь и приближенїе моей смерти меня не тревожили; сколько бы мнѣ приключили мученїя, естьлибъ я былъ въ памяти, изъ далека приближающаяся мнѣ кончина вообрaжая съ дражайшею моею Марїаною вѣчную разлуку. То время, которое я опамятовавшись проживу, почитаю я за особливую Всевышняго милость, которой для того мнѣ оное даровалъ, чтобъ еще разъ свѣтъ увидѣть, стараться о

другомъ

приуготовлении души моея предъ истиннаго Судію, и въ послѣдней разъ о будущемъ подумать. И такъ живи вѣчно и благополучно, любезная Маріана, оплакивай меня некакъ мужа, но какъ брата. Умолчи предъ нашей дочерью о нашей судьбѣ; утаи еѐ, ежели возможно, для васъ самихъ. Совѣсть меня не попрекаетъ, что я васъ любилъ; однако обезпокоиваетъ то, что я по печальномъ открытіи еще васъ женою моею почиталъ. Боже! сколь инако помышляемъ мы на смертномъ одрѣ нежели какъ въ здравой жизни. Сколь много видитъ разумъ нашъ, когда страсти наши безсильны. Такъ! такъ! я умираю, умираю съ покоемъ; но о Боже! я васъ болѣе не увижу! я долженъ васъ оставить, любезная Маріана! Я умру! Какія ужасныя чувствованіи начинаютъ меня

пожить, ахъ! я не могу больше писать... до сихъ поръ писалъ я за полчаса; а теперь опять успокоился, любовь къ жизни въ послѣдней разъ чувства мои востревожила. Живи благополучно, дражайшая, и скажи любезной нашей родительницѣ и великодушнымъ нашимъ друзьямъ, что я умираю съ благодарнымъ къ нимъ сердцемъ. Другъ мой Дормундъ, котораго вы у меня неоднократно видали, не хочетъ меня оставить, пока я не умру. Ежели можете вы почувствовать въ другой разъ любовь, то не забудьте, что умирающей вашъ мужъ никому васъ не желаетъ, какъ Дормунду. Онъ вамъ отдастъ мои часы съ вашимъ портретомъ, а прочія вещи я роздалъ бѣднымъ моимъ солдатамъ. Я

чувствую приближающуюся ко мнѣ смерть; прощай.

Какъ скоро она увидѣла, что надежда, жизнїю Карлзоновой ласкавшая, ее обманула, то вдалась въ печаль и сѣтованїе; однакожъ время прискорбность ея нѣсколько уменшило. Мы жили опять спокойно; нашъ въ торгу состоящей капиталъ знатно и болѣе, нежели мы желать могли, умножился, почему я и не намѣрена была стараться о возвращенїи мнѣ какой либо части изъ Графскаго имѣнїя. Я была спокойна, когда не помышляла о Швецїи, слѣдовательно и о моихъ несчастїяхъ, а притомъ земля сїя была продолжительною войною крайне опустошена и раззорена; словомъ, хотя жила я незнаемою, однакожъ во всякомъ удовольствїи, и была женою прїятнаго и разум-

наго человѣка. Несчастїе намъ случающееся показываетъ драгоцѣнность спокойствїя, а кто никогда не былъ злополученъ, тотъ и сладости спокойной жизни вкусить не можетъ.

Во время нашего спокойствїя, которое больше года продолжалось, прїѣхалъ Дормундъ, и отдалъ Марїанѣ золотые часы съ ея портретомъ, о которыхъ въ письмѣ было упомянуто. Марїана ево часто у своего мужа видала, а мы еще ни разу; но чтожъ ему къ ево рекомендацїи болѣе надобно было, какъ имя Карлзонова друга. Родомъ былъ онъ Голанецъ, и съ себя видѣнъ, неглупъ, и зналъ нѣкоторые Европейскїе языки, почему онъ и прїобрѣлъ скоро нашу повѣренность. Онъ былъ въ отставкѣ Штабъ офицеромъ, и намѣренъ былъ жить въ Амстердамѣ на своемъ иждивенїи.

Мы

Мы скоро примѣтили, что Маріана была предмѣтомъ ево желаній. Она и въ самомъ дѣлѣ заслуживала, чтобъ для ее войско и дворъ оставить; потому что несчастіе наружной ея красоты ни мало не уменьшило, которою натура ее довольно одарила. А къ преизяществу своего нрава, послѣдуя совѣтамъ разумной и добродѣтельной своей матери она еще много присовокупила, и имѣла отъ роду не болѣе осьмнатцати лѣтъ, то Дормундъ умѣлъ ей понравиться, и овладѣлъ ея сердцемъ. Она нѣкогда пришедъ ко мнѣ начала говорить голосомъ сердце ея изъясняющимъ: мнѣ кажется, чтобъ было не неприлично, естьлибъ мы господина Дормунда подарили тѣми часами, которые онъ мнѣ привезъ; ябъ и давно сіе исполнила; но въ нихъ мой портретъ, и для того, думаю, дарить ево

 оными

оными непристойно. Я разумѣя, къ чему рѣчь сія клонилась, сказала, что вамъ сомнѣваться тому вашъ портретъ отдать, которому вы уже сердце вручили? Я примѣчаю, что вы охотно господину Дормунду, угодность оказываете, которая хотя и имѣетъ видъ почтенія, однакожъ подлинное оныя основаніе есть любовь. Я вамъ въ семъ дѣлѣ помогу, дайте мнѣ часы, а я уже сыщу случай оные ему вручить. Вскорѣ по отданіи часовъ послѣдовало и отданіе сердца. И такъ Маріана здѣлалась женою любви достойнаго Дормунда, и казалось, что они другъ для друга рождены. Маріана, какъ и всѣ женщины, была нѣсколько ревнива, отъ чего и произошло слѣдующее смѣшное приключеніе: нѣкогда Маріана плачучи вошла въ мою горницу, рѣчь ея вздохами была прерываема, и я

испужа-

испужалась подумавъ, что приключилось ей какое несчастїе; но чтожъ на конецъ вышло? Она жаловалась на холодность своего мужа. Я спрашивала, какимъ образомъ она оную примѣтила? На что услышала я слѣдующїя бездѣлки: мужъ ея не задолго передъ тѣмъ писалъ письмо; она подошедъ къ нему нѣсколько разъ ево нѣжно поцѣловала; а онъ напротивъ того и взглядомъ ее неудостоивъ писалъ не переставая, будтобъ ее и не видалъ: ахъ! боже, продолжала она, кто знаетъ къ кому вѣроломной пишетъ? развѣ вы ничего не могли въ письмѣ прочитать, спросила я? нѣтъ, ничего, какъ только, что въ заглавїи, государь мой: кто можетъ повѣрить, говорила я, чтобъ вы будучи разумною изъ такихъ пустяковъ о невѣрности мужа вашего заключали; успокойтесь,

 суда-

сударыня, и будте увѣрены, что Дормундъ васъ болѣе любитъ, нежели вы думаете. Съ начала между супругами отъ самой бездѣлки начинается ревность, а на конецъ ежели оная не будетъ истреблена, то мало помалу возрастая въ настоящую холодность превращается.

Марїанину браку прошло уже около девяти мѣсяцовъ, какъ мужъ ея опасно занемогъ. Онъ два мѣсяца одержимъ былъ разными болѣзнями, и мы ясно примѣтили, что ево совѣсть не меньше какъ и болѣзнь мучила. Онъ часто со слезами просилъ свою супругу, чтобъ она ево оставила, не могъ также терпѣть и Каролину, а еще меньше Марїанину дочь съ Карлзономъ прижитую; а просилъ, чтобъ я съ мужемъ была при немъ безпрестанно, и ево бъ утѣшали:

но мы не знали причины ево обезпокоивающей. Смерть его казалась приближающеюся, и сами лѣкари отчаяны были о его выздоровленіи. Нѣкогда около полуночи приказалъ онъ насъ съ нетерпѣніемъ къ себѣ позвать, онъ былъ при смерти, и приказавъ всѣмъ вонъ выти, началъ перерывающимся голосомъ себя и любовь свою къ Маріанѣ наижесточайше проклинать, называлъ себя наиужаснѣйшимъ злодѣемъ въ свѣтѣ; на послѣдокъ, я Карлзоновъ убійца, вскричалъ онъ. Я ему своею рукою поднесъ ядъ, дабы получить Маріану. Я негодной, какой судъ! какой приговоръ ожидать я долженъ! о! я пропалъ, я вижу ево, вижу звѣрствомъ моимъ мнѣ попрекающаго, умертвите меня, повторялъ онъ. Мужъ мой уговаривалъ ево, что бы онъ очувствовался, думая что онъ былъ въ безпамятствѣ. Нѣтъ! нѣтъ

нѣтъ, сказалъ онъ, это конечно правда. Меня совѣсть давно уже мучила: я варваръ, злодѣй и убійца совершеннаго моего друга. Карлзону стало легче послѣ того письма, которое онъ писалъ къ Маріанѣ; но я увидя ево облегченіе, и отчаявшись получить Маріану, въ которую я былъ смертельно влюбленъ, поднесъ ему ядъ. Мужъ мой собравъ весь свой разумъ старался сему несчастному вспомоществовать. Но онъ хотѣлъ еще разъ видѣть Маріану, и увѣдомить ее о своемъ злодѣйствѣ. мы просили его усильно Маріанѣ сего не открывать увѣряя ево, что онъ тѣмъ отъ угрызенія совѣсти своей не избавится. Въ сіе самое время вошла Маріана: Дормундъ взявъ ее за руку хотѣлъ ей повторять ужасное свое признаніе; я зажимала ему ротъ, и мы начали было молиться и пѣть; но онъ кричалъ

изъ

изъ всей мочи, и повторялъ о убивствѣ своемъ основательно. Онъ ссылался на полковова лѣкаря и доктора, которые Карлзона пользовали; потому что онъ приказалъ ево анатомить, и они нашедъ ядъ думали, что онъ самъ себя онымъ отравилъ. Маріана впала въ обыкновенное бѣшенство, и упрекала ево наижесточайшимъ ево варварствомъ, такъ, что мы наконецъ насилу ее отвели. Онъ спалъ двои сутки безъ просыпу, и мы думали, что онъ умеръ; однакожъ опамятовался. Мы пришли къ нему, и намъ бы надлежало ево какъ убійцу ненавидѣть; но по человѣчеству казался онъ жалокъ. Онъ былъ спокойнѣе нежели прежде, и просилъ насъ со слезами о прощеніи увѣряя насъ, что естьли онъ оживетъ, то скроется отъ насъ въ наиотдаленнѣйшую часть свѣта: онъ просилъ, чтобъ мы ему болѣе

Маріаны

Марїаны не показывали. Она была уже въ нашемъ домѣ, а Дормундъ одинъ въ своемъ остался. Мы всячески стараясь утѣшать Марїану, не имѣли времени два дни посѣтить ея мужа; однакожъ слышали, что ему стало полегче. На третей день пошелъ къ нему мой мужъ; но Дормундъ уже удалился оставивъ письмо слѣдующаго содержанїя.

Я туда иду, куда меня поведетъ мщенїе Божїе. Марїана меня болѣе не увидитъ. О Боже! къ чему любовь не можетъ привести. Тѣнь мною умерщвленнаго моего друга на всякую ступень послѣдуетъ за мною; но я охотнѣе все снесу, нежели убивство самоубивствомъ умножу. Проклинайте мою память въ вашихъ сердцахъ, я сего достоинъ; но не открывайте свѣту моего беззаконїя; для ме-

ня

нія ея наивеличайшее наказаніе, что я Маріану и ея великодушныхъ пріятелей оставляю, я пойду опять въ воинскую службу, и можетъ быть потеряю мучительную мою жизнь. Оставшее мое имѣніе отдаю я Маріанѣ. Награди васъ Богъ за ту дружбу, которою вы меня въ болѣзни моей не оставили; но вы безчеловѣчному оказали. Я недостоинъ вашего сожалѣнія. Ахъ! несчастная Маріана.

Дормундъ скрылся, а куды, мы не знали. Маріана впала въ меланхолію; она плакала день и ночь и мы принуждены были вдругъ изъ двухъ жилъ пустить ей кровь; она спала въ моей горницѣ, и увѣрила меня, что ей стало полегче, и что она надѣется будущую ночь спать спокойно; но поутру лишь только я взглянула на ея постелю,

що

то увидѣла около оной ручьями текущую кровь, а Марiана лежала въ нечувствительномъ обморокѣ. Я подумала, что жилы ея во снѣ отворились, и для того оныя, съ помощiю нѣкоторыхъ изъ нашихъ домашнихъ, перевязала. Я весьма удивлялась, что обвязки на жилахъ бывшiя казались быть нарочно развязанными. Марiана предъ вечеромъ нѣсколько очувствовалась, и призналась, что она желая смерти, нарочно обвязки развязала. Она цѣловала меня, и неговоря болѣе ни слова опять въ обморокъ впала, а потомъ чрезъ нѣсколько часовъ и умерла. Со мною здѣлалось такъ какъ съ такими людьми, кои въ страхѣ жестоко ранены бываютъ; но не чувствуютъ прежде, пока изъ онаго не выдутъ. Какъ скоро Марiана умерла, то начались мои мученiя, я почитала себя виновною ея смерти

въ

въ разсужденіи того, что надъ нею ту самую ночь, въ которую она спомоществовала своей кончинѣ, неприлѣжно смотрѣла; но можетъ ли человѣческой разумъ все предвидѣть! Въ самомъ дѣлѣ, я совѣтовала Маріанѣ выти за Дормунда, и видѣла, что онъ былъ виновенъ ея смерти. Каролина была несколько печальна какъ я, а за сіе равнодушіе должна она благодарить вѣрѣ, потому что она все сіе за произволеніе божіе почитала, судьбы котораго непостижимы, и утѣшалась, разсуждая о премудрости и милосердіи Создателевой.

Время помаленку изтребляло изъ памяти наше несчастіе, и мы начинали чувствовать сладость безмолвной жизни, и принялись опять за книги, любовь услаждала нашу жизнь, и отгоняла печальныя

ныя напоминовенія прошедшаго несчастія. Мужъ мой издалъ въ сіе время книгу подъ титуломъ: *Постоянная премудрость во несчастіи.* Почти чрезъ четверть года послѣ Маріаниной кончины умеръ нашъ хозяинъ, а жена его еще прежде свѣтъ оставила: смерть сихъ честныхъ людей здѣлала великую перемѣну въ нашихъ обстоятельствахъ. Намъ надлежало нашъ капиталъ взять, которой Дормундомъ оставленнымъ богатствомъ весьма умножился. Въ самомъ дѣлѣ было сіе для насъ великое бремя, потому что ни Каролина, ни я, ни мой мужъ не знали, какъ должно съ денгами поступать. Андреасъ, Каролининъ братъ въ Гагѣ началъ уже порядочно торговать. Мы подарили ему нѣсколько тысячь талеровъ, а изъ осталныхъ денегъ половину положили съ нимъ въ торгъ, другоюжъ половиною служили

нашимъ

нашимъ пріятелямъ, и намъ часто случалось оныя раздавать, когда мы знали, что тотъ, которой насъ о оныхъ проситъ, честной человѣкъ имѣющей въ денгахъ нужду. Одно слово у мужа моего было такъ велико, какъ вексель. Мы въ самомъ дѣлѣ такимъ образомъ много денегъ потеряли; но не были никогда обмануты. Наши должники имѣли добрыя сердца, но мало счастія; и они бы насъ искренностію своею здѣлали податливыми, хотябъ мы отъ природы таковы не были. Наконецъ для разныхъ причинъ оставили мы Амстердамъ, и поѣхали съ Каролиною, Карлзоновою и нашею дочерьми въ Гагу къ господину Андреасу. Умершей нашъ хозяинъ при смерти своей поручилъ намъ свою дочь, которую мы также взяли съ собою. Богатство ея въ Амстердамѣ осталось въ надежныхъ рукахъ. Сія дѣвушка

ка была пятнатцати лѣтъ, и хотя натура не даровала ей внѣшней красоты, то по крайней мѣрѣ недостатокъ сей преизрядными душевными качествами наградила. И я могу безъ хвастовства сказать, что сія дѣвушка, которая Флорентиною называлась, мною была воспитана; но за благонравіе свое должна она благодарить Каролину и моего мужа, которые старались въ сердце ея всѣять сѣмя добродѣтели, и произвесть въ ономъ омерзѣніе къ порокамъ. Хорошія Флорентинины качества здѣлали ее женою такого человѣка, которой въ Голландіи былъ въ немалой славѣ, и на высокой степени достоинства. Но я оставя теперь Флорентину упомяну о ней при другомъ случаѣ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ нашего въ Гагу прибытія пришолъ къ Андреасу корабль

изъ

изъ Россіи съ товарами, почему онъ и просилъ насъ ѣхать съ нимъ на пристань, и посмотрѣть грузу. Намъ предложеніе сіе понравилось, и мы поѣхали.

Теперь приступаю я къ такому періоду моей жизни, которой всѣ вышесказанные превосходитъ. Я принуждена его чрезъ силу описывать Сердце мое сопротивляется возобновить такое приключеніе, которое ему много стоило. Искуство въ разсказываніи приключеній въ томъ состоитъ, чтобъ произшедшее такъ описать, дабы читателю казалось, что онъ въ самомъ дѣлѣ оное видитъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ въ состояніи была достигнуть сего намѣренія. Мы поѣхали, какъ я уже сказала, и видѣли приближающейся корабль, по прибытіи котораго къ пристани сошли съ

него отъ 10 до 12 человѣкъ пріѣзжихъ Нѣмцовъ, также нѣсколько и Россіянъ, и поздравляли господина Андреаса съ щастливымъ судна его прибытіемъ; понеже они слышали, что оное ему принадлежало. Андреасъ слушалъ поздравленіи ихъ съ пріятнымъ видомъ; потому что о опасностяхъ морскаго пути довольно былъ увѣренъ; но мнѣ такъ было скучно, что я отошедъ оттуда съ мужемъ моимъ, просила его назадъ возвратиться, а какъ я еще съ нимъ говорила, то подошедъ одинъ изъ пріѣзжихъ, кинулся ко мнѣ на шею, и обнявъ меня вскричалъ: такъ! такъ! вы это! я не вѣрилъ моимъ глазамъ; но они меня не обманываютъ. Ты моя любезная супруга, онъ прижалъ меня такъ крѣпко, что я не видала, кто мнѣ сію нѣжность оказывалъ. Ужасомъ наполнились всѣ мои члены.

Но

но о! боже кого я увидѣла на конецъ въ моихъ объятяхъ? Графа моего мужа въ россiйскомъ одѣянiи, котораго я 10. лѣтъ умершимъ почитала. Я была безчувственна, и не могла ни одного слова промолвить. Графъ стоя плакалъ, и увидѣвъ прежняго своего друга обнималъ ево; но отъ обѣихъ насъ ни одного слова не могъ услышать. Карета наша стояла не далеко отъ сего мѣста, и я къ оной побѣжала: оба мужья мои слѣдовали за мною. Я безчисленно обнимала Графа въ каретѣ, но говорилаль я съ нимъ, того непомню. По прiѣздѣ нашемъ домой я нѣсколько очувствовалась. Графъ мой оказывалъ безконечное удовольствiе, что онъ меня нашолъ, а особливо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ и недумалъ. Онъ стократно говорилъ, что я еще столькожъ любви достойна, какъ и прежде.

 Удовол-

удовольствїе ево тѣмъ было неограниченнѣе, что онъ почиталъ меня мертвою, потому что я ему на нѣсколько писемъ не отвѣтствовала. Онъ думалъ, что я знала, что онъ еще живъ; словомъ, онъ столькоже о моей какъ, и я о его жизни, зналъ. Господинъ Р. *** оставилъ насъ однихъ, чего мы и не примѣтили. Графъ разсказалъ мнѣ о своей судбинѣ, о чемъ я скоро говорить буду, и желалъ знать, что со мною случилось? Онъ меня спрашивалъ неоднократно; но я ему отвѣтствовала только слезами и нѣжными обниманїями; любовь и стыдъ здѣлали меня безсловесною. Одного мужа я нашла, котораго чрезвычайно любила, другаго должна была оставить, которой также не менше былъ милъ. Надобно сїе самому чувствовать, естьли желать знать, сколь несносно быть угнѣтаему

вдругъ двумя страстями; изъ которыхъ одна столькожъ сильна, какъ и другая. Графъ изъ печали моей примѣтилъ, что я нѣчто отъ него скрыть стараюсь, по чему и просилъ меня безпрестанно, чтобъ я ему открыла мое сердце, и ему бъ о щастіи или нещастіи знать дала; но втуне. Я не могла ему открыть, что вышла за мужъ; но молчала и вздыхала, а сего ужъ довольно было. Развѣ вы мнѣ не жена, сказалъ онъ, не дай сего боже! Смерть моя для меня стократно пріятнѣе, нежели сія вѣдомость. Въ сію минуту вошла въ комнату пятилѣтняя моя дочь, и умноживъ мое смущеніе открыла ту тайну, которую я хранить старалась. Она увидя меня плачущую, подошедъ ко мнѣ сказала, что вамъ здѣлалось любезная матушка, о чемъ вы плачите, я пришла отъ ба-

 тюшки

тюшки, которой также плачетъ, и ничево не хочетъ со мною говорить. Я не знаю, чемъ васъ прогнѣвала. боже мой, говорилъ Графъ, вы вышли замужъ! О! я злощастный человѣкъ, для того ли я васъ нашолъ, чтобъ мнѣ наиужаснѣйшее чувствовать мученіе; скажи мнѣ только, кто вашъ мужъ? Я васъ присутствіемъ моимъ не буду долго безпокоить, и тотчасъ оставлю. Я думаю, что вы не здѣлались невѣрною; но конечно почитали меня умершимъ, почему я и не дѣлаю вамъ никакихъ выговоровъ: никто въ нещастіи моемъ невиновенъ! Провидѣніе можетъ быть наказало меня за любовь къ Каролинѣ; принудьте себя, продолжалъ онъ, и откройте подробно о моемъ несчастіи; я не могу сего слышать ни отъ кого кромѣ васъ, кто вашъ мужъ? Я вскочила съ стула, упала

упала ему въ руки, и не могла ни одново слова выговоритъ: нѣтъ, продолжалъ онъ, не оказывайте мнѣ никакихъ нѣжностей, хотя вѣрностїю моею оныя я и заслужилъ; но вашъ теперешней супругъ любви вашей одинъ требовать можетъ, а мнѣ должно судбѣ и добродѣтели любовїю моею жертвовать. Симъ приведена я была еще въ большее восхищенїе. Онъ спрашивалъ на конецъ у моей дочери, гдѣ ея отецъ, и для чего онъ сюда нейдетъ? Витъ онъ съ вами въ каретѣ прїѣхалъ, сказала она, а теперь въ своей горницѣ плачетъ; и такъ сказалъ мнѣ Графъ, такъ мой любезной другъ вашимъ мужемъ? Сїе дѣлаетъ нещастїе мое сноснѣйшимъ, потомъ просилъ онъ дочь мою, чтобъ она отца своего къ намъ позвала; но онъ не пришелъ, а чрезъ сїюжъ дѣвочку прислалъ къ Графу

письмо

письмо слѣдующаго содержанїя:

ЛЮБЕЗНОЙ ГРАФЪ!

Я чрезмѣрно о васъ сожалѣю. Я невинною моею любовїю такъ васъ озлобилъ, какъ бы вашъ непрїятель. Я похитилъ у васъ дражайшую вашу супругу. Повѣрьте, что заблужденїе, или лучше сказать, знанїе о вашей смерти, подало мнѣ случай обладанїе вашею супругою почитать позволеннымъ; но ваше присутствїе сей священной союзъ осуждаетъ. Но какъ вы великодушны, а мы невинны, то и не заслуживаемъ вашей ненависти хотя наша невинность и уменьшаетъ ваше нещастїе; но она онаго уничтожить неможетъ. Одинъ только способъ меня наказать, чтобъ я удалился. Я оставляю

ляю васъ, любезной Графъ, и по всю жизнь мою себя самого стыдиться буду. Дай Богъ! чтобъ я моимъ отсутствіемъ и мукою, которую претерпѣваю, могъ уронъ вашъ наградить. Удалите и дѣвочку, которая вамъ подастъ сіе письмо, чтобъ вы печальнаго знака вашего несчастія предъ собою не имѣли. Естьли вы можете безъ огорченія сносить мое напоминовеніе, то вспомните о мнѣ не какъ о совмѣстникѣ, но какъ о вѣрномъ вашемъ другѣ. Вы меня болѣе не увидите.

Графъ оставилъ меня какъ скоро прочиталъ сіе письмо, и искалъ своего друга; но онъ ушелъ, а куды, никто не зналъ. Вѣдомость сія привела меня въ новое замѣшательство; я нашла перьваго моего мужа, и знала, что мнѣ ими обѣими владѣть невоз-

невозможно, а по закону я и послѣднему столько же принадлежала, какъ и первому, и ничто мнѣ ужаснѣе не было, какъ съ которымъ ни есть изъ нихъ разлучиться. Господинъ Р. *** скрылся, а Графъ не хотѣлъ успокоиться, пока онъ не сыщетъ своего друга. Онъ тотчасъ послалъ въ гавань, чтобъ онъ не уѣхалъ на кораблѣ; а я между тѣмъ разсказала ему, что великодушное господина Р. *** дружество не могла я ничемъ довольно наградить, какъ любовію. Я знаю, сказалъ Графъ, что ни вы, ни другъ мой меня не озлобили. А сіе есть произволеніе судьбы, котораго мы проникнуть не можемъ. Вскорѣ возвратился Господинъ Р *** и сказалъ, что онъ хотѣлъ на нѣкоемъ кораблѣ уѣхать, притомъ благодарилъ Графа наичувствительнѣйшимъ образомъ, что онъ приказалъ

казалЪ его воротить : я ничего не желаю, сказалЪ онЪ какЪ только сЪ вами и вашею супругою, проститься СїежЪ будетЪ послѢднее удовольствїе вЪ моей жизни. ПотомЪ взялЪ онЪ меня заруку, и повелЪ кЪ Графу: вотЪ, говорилЪ онЪ, вручаю я вамЪ мою жену, и перемѢняю любовь мою кЪ ней вЪ почтенїе, и хотѢлЪ проститься; но ГрафЪ его не допустилЪ, сказалЪ: нѢтЪ, останьтесь сЪ нами. Я по вашему желанїю вступлю опять вЪ брачное совокупленїе сЪ моею женою, она мнѢ столько же драгоцѢнна, какЪ и прежде Ея сердце было мнѢ вѢрно и постоянно. Она не знала, что я еще живЪ, и для того за васЪ посягнула. Любезной другЪ, останься сЪ нами; естьли же вы для того намѢрены насЪ оставить, чтобЪ я не сталЪ ревновать, то озлобляете вы добродѢтель моей супруги

пруги и мою дружбу: попросите жЪ вы ево, сударыня, говорилЪ онЪ мнѣ, чтобЪ онЪ остался. Я едва имѣла столько силы, чтобЪ ему сказать, для чего хотите вы насЪ оставить? Любезной мой супругЪ проситЪ васЪ, чтобЪ вы здѣсь остались, и я бЪ васЪ никогда не любила, ежели бы мнѣ ваше удаленіе было нечувствительно. По крайней мѣрѣ останьтесь вЪ Гагѣ, ежели не хочете жить сЪ нами вЪ одномЪ домѣ. Я васЪ буду любить вамЪ обЪ ономЪ не говоря, и хотя я теперь вашею не буду, однакожЪ любовь кЪ мужу моему не запрещаетЪ мнѣ оказывать вамЪ всегда знаки почтенія и дружбы. ОнЪ по прозьбѣ нашей остался вЪ Гагѣ, и часто у насЪ бывалЪ и сЪ нами обѣдывалЪ. Ево поведеніе столь было скромно и благоразумно, что онЪ никогда не подавалЪ нималѣйшаго

лѣйшаго знака, что нѣкогда былъ моимъ мужемъ. Онъ просиживалъ часто цѣлые дни со мною на единѣ; однакожъ мы никогда и ничего о прежнемъ нашемъ состоянiи не упоминали, и обходились съ такою же повѣренностiю и дружествомъ, какъ и до бракосочетанiя. Присутствiе Каролинино Графа весьма устрашило, и онъ желалъ, чтобъ она домъ нашъ оставила; но я просила ево, чтобъ онъ не лишилъ меня ея дружества: вѣритель вы моей добродѣтели, говорила я ему, то знайте, что и я о вашей увѣрена. ? Судбина обѣихъ дѣтей съ Каролиною прижитыхъ часто дѣлала ево задумчивымъ. Онъ обходился потомъ съ Каролиною дружески, и часто съ обѣими нами шутилъ; однакожъ шутки ево такъ были предосторожны, что онѣ ни ее опечалить, ни меня озлобить не могли. Продолженiе случившихся

шихся съ нами приключений разскажу я послѣ, а теперь въ кратцѣ читателямъ моимъ объявлю о отсутствiи Графа моего мужа. Россiяне овладѣли тою деревнею, въ которой Графъ лежалъ обмерши, и отъ Шведовъ за совершенно умершаго былъ оставленъ; но какъ пришелъ въ чувство и по малу выздоровѣлъ, то послали его какъ полоненнаго офицера съ прочими въ Россiю. Подлинной свой чинъ онъ утаилъ, а назвался капитаномъ. Претерпѣнныя имъ нещастiи и пятилѣтнее его въ Сибирѣ пребыванiе опишу я во второй части моея жизни, а сiю симъ окончеваю.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

